

Ян Флеминг

Осьминожка

(сборник рассказов)

Собственность леди (The property of a lady)

Для начала июня день выдался из ряда вон жарким. Джеймс Бонд отложил темно-серый мелковый карандаш, предназначенный для оформления указателей местонахождения Секции 00, и сбросил пиджак. Повесить его на спинку стула, а тем более на вешалку, которую за свой счет приобрела Мэри Гуднайт (ох уж эти женщины!) и поместила на зеленой двери «предбанника» его кабинета, ему и в голову не пришло. Он просто сбросил пиджак на пол. Зачем он ему сейчас, отутюженный и без единого пятнышка?

Повсюду царила тишина. Входящая и исходящая переписка — сплошная рутина. Ежедневные совершенно секретные сводки — «треп», не говоря уже о газетах, вызывали зевоту. Правда, газеты для читателей наскребали кое-какую информашку о семейных скандалах и разных дурных новостях — единственных новостях, привлекающих к себе внимание, будь то достоверные данные или же слухи, цена которым — копейка.

Бонд ненавидел такие периоды безделья. Его глаза едва скользили по страницам сногшибательной диссертации Центра научных исследований о применении русскими цианистого газа, распыляемого из самых дешевеньких детских водяных пистолетиков, но убивающего мгновенно при попадании на лицо. Применять газ рекомендовалось к лицам старше 25 лет во время их подъема по лестнице или крутому склону т.е. в тех случаях, когда возможен диагноз «внезапная остановка сердца».

Резкий зуммер красного телефона был настолько внезапным, что рука витавшего в облаках Джеймса Бонда непроизвольно потянулась к левой подмышке. При втором зуммере Бонд поднял трубку.

— Вы, сэр?

— Да, сэр.

Он поднялся со стула и надел пиджак, мозг начал работать. Все равно что из подворотни — и вдруг во дворец. Проходя «предбанник», едва удержался, чтобы не пощекотать за аппетитную шейку Мэри Гуднайт. Бросив ей, что вызывает сам М. Бонд вышел в усталанный коврами коридор и через соседнюю Секцию обеспечения связи, как всегда безмолвную со своими точками и тире, долетел до лифта и поднялся на девятый этаж.

Выражение лица мисс Манипенни не говорило ни о чем. Обычно, когда она была в курсе происходившего, на нем можно было прочесть любопытство, возбуждение, а в случае временных неудач Бонда ободрение или даже возмущение. Сегодня же ее приветственная улыбка выражала незаинтересованность. Бонд сделал однозначный вывод, что работа предстояла незамысловатая, скучная, и соответственно настроил себя, открывая дверь в судьбоносный кабинет своего шефа, скрывающегося под инициалом "М".

В кабинете находился кто-то явно посторонний — но кто? Он сидел слева от М. и

при появлении Бонда лишь бросил на него быстрый взгляд, когда тот занял свое обычное место напротив отделанного краской кожей бюро.

М. чопорно провозгласил:

— Доктор Фэнш, я полагаю, вам не приходилось встречаться раньше с командером Бондом из моего Управления исследований.

К такого рода представлениям третьим лицам Джеймсу Бонду было не привыкать. Он встал, вытянулся и протянул руку. Доктор Фэнш тоже поднялся, едва дотронулся до протянутой руки и, как будто прикоснулся к какому-то чудовищу, поспешил снова сесть. Доктору оказалось достаточно мельком бросить взгляд на Бонда, чтобы увидеть в нем нечто большее, чем просто силуэт. Можно было предположить, что доктор обладал способностью анализировать происходящее за тысячные доли секунды. Очевидно, он эксперт в какой-либо отрасли и интересуется лишь фактами, предметами, теорией, но никак не людьми. Бонду хотелось, чтобы М. ввел его вкратце в суть дела без этого плутовского, в чем-то детского, желания удивить — нечего тянуть кота за хвост. Однако, вспомнив, как он сам маялся от безделья минут десять назад, и поставив себя на место М., Бонд сообразил, что шеф тоже мог изнывать и от июньской жары, и от угнетающего бездействия. Сейчас же, удовлетворенный возможностью развеяться благодаря поистине свалившемуся с небес делу, пусть и не крупному, решил выжать из него максимум приятного.

Посетитель был средних лет, упитан, розовощек, щегольски одет почти в стиле эпохи короля Эдуарда — темно-голубой пиджак на четырех пуговицах с завернутыми манжетами, жемчужная булавка в тяжелом шелковом галстуке, безукоризненный воротничок, запонки, возможно, изготовленные из старых монет, пенсне на толстой черной ленточке. В общем, сделал вывод Бонд, человек из окололитературной богемы, возможно — критик или бакалавр, не исключено, с гомосексуальными наклонностями.

М. заявил:

— Доктор Фэнш — известный авторитет в области старинных драгоценностей. Он является также, конфиденциально конечно, советником Королевской таможенной службы и Управления криминальных расследований. Если конкретно, ко мне его направили наши коллеги из MI-5. Дело касается нашей мисс Фройденстайн.

У Бонда приподнялись брови. Мария Фройденстайн являлась секретным агентом советского КГБ, проникшим в самое сердце секретной службы. Она работала в Управлении связи в специально созданном для нее изолированном направлении, где использовался исключительно «Пурпурный шифровальный код», также разработанный специально для нее. В обязанности мисс Фройденстайн входили зашифровка по коду и направление шесть раз в день значительных по объему сообщений секретной службы в ЦРУ в Вашингтоне. Эти материалы фабриковались в секции 100, отвечающей за работу с двойными агентами, и представляли собой гениальную смесь правдивых фактов, малоценных секретных сведений и время от времени серьезной дезинформации. Когда Марию Фройденстайн принимали на работу в Службу, уже было выявлено, что она является советским агентом. Ей создали благоприятные условия для похищения ключей к «Пурпурному шифровальному коду», чтобы дать возможность русским получить полный доступ к этим секретным сообщениям — перехватывать и расшифровывать их — и таким образом доводить до них фальшивую информацию. Операция рассматривалась как особо секретная, ее проводили с чрезвычайной осторожностью, и вот уже целых три года она постепенно претворялась в жизнь. То, что Мария Фройденстайн могла подслушивать разговоры в столовой штаб-квартиры секретной службы, учитывалось на этот риск вынуждены были пойти; зато ее малопривлекательная внешность исключала возможность интимных знакомств в разведывательных целях.

М. повернулся к доктору Фэнш:

— Может быть, доктор, вы соблаговолите объяснить командеру Бонду, о чем идет речь.

— Конечно, конечно. — Доктор Фэнш бросил быстрый взгляд на Бонда и отвел глаза, уставившись на свои ботинки. — Видите ли, дело в том, что, э... командер... Без сомнения, вы слышали имя Фаберже. Знаменитый русский ювелир.

— Да. Помнится, он делал бесподобные пасхальные яйца для царя и царицы до революции.

— Верно. Это лишь одна область его творчества. Он создал много других изящных вещей — произведений благородного искусства. Сейчас на аукционах за некоторые его поделки предлагают поистине баснословные цены — 50 тысяч фунтов стерлингов и больше. И вот недавно в Англию доставлено лучшее его творение — так называемая «Изумрудная сфера», бесподобное произведение искусства, о котором до сих пор было известно лишь со слов самого великого кудесника. Это сокровище направлено посылкой с объявленной ценностью из Парижа и адресовано известной вам женщине, мисс Марии Фройденстайн.

— Приятный небольшой подарок. Могу я спросить, каким образом вам стало известно об этом, доктор?

— Я, как ваш начальник разъяснил вам, являюсь советником Королевского таможенного и акцизного управления по вопросам, относящимся к старинным драгоценностям и прочим подобным произведениям искусства. Объявленная ценность посылки — 100 тысяч фунтов стерлингов. Это не рядовой случай. Вы, может быть, знаете, существуют методы вскрытия таких посылок тайно. Она была вскрыта, естественно, по ордеру Министерства внутренних дел, и меня вызвали изучить содержимое и дать оценку. Я сразу же узнал «Изумрудную сферу» по ее описанию и рисунку в проведенном мистером Кеннетом Сноумэном исследовании, посвященном Фаберже. Я заявил, что объявленная ценность, возможно, занижена. Однако особое внимание я обратил на сопроводительный документ, в котором на русском и французском языках объяснялось происхождение этого ценного предмета, — доктор Фэнш показал на лежащую перед М. фотографию с изображенной на ней, по-видимому, краткой семейной родословной, выполненной в виде генеалогического древа. — Эту копию я сделал сам. Вкратце, в документе говорится о том, что «Сфера» была приобретена дедом Марии Фройденстайн непосредственно у Фаберже в 1917 году — без сомнения, ради вложения рублей во что-либо ценное и легко переносимое. После его смерти в 1918 году она перешла по наследству к его брату, а в 1950 году — матери мисс Фройденстайн. Как представляется, мать покинула Россию еще ребенком и воспитывалась в кругах белой русской эмиграции в Париже. Она никогда не была замужем, и ее дочь Мария — незаконнорожденная. Похоже, что она в прошлом году умерла и кто-то из ее друзей или душеприказчик, бумага не подписана, направляет теперь «Сферу» ее полноправной владелице — мисс Марии Фройденстайн. Причин задавать вопросы этой девушке не было, хотя, сами понимаете, дело задело меня за живое. И вот в прошлом месяце аукционная фирма «Сотбис» объявила, что выставляет на торги предмет, обозначенный как «Достояние леди». Аукцион состоится через неделю. Выступая от имени Британского музея и, э... других заинтересованных сторон, я осторожно навел справки и встретился с леди, которая с поразительным хладнокровием подтвердила довольно неправдоподобную историю о происхождении сокровища. Я выяснил, что она работает в Министерстве обороны, и вот тогда-то мне в голову закралось подозрение, что это по меньшей мере странно, когда младший клерк, имеющий, возможно, доступ к засекреченным материалам, внезапно получает подарок из-за рубежа стоимостью 100 тысяч фунтов стерлингов и даже больше. Я сообщил обо всем этом высокопоставленному сотруднику MI-5, с которым поддерживаю контакт по работе в Таможенном управлении Ее Величества, и меня направили в ваше, э...

учреждение, — доктор Фэнш развел руками и опять бросил на Бонда быстрый взгляд. — Вот и все, командер, что я вам могу сообщить.

М. счел нужным вмешаться:

— Благодарю вас, доктор. Еще один-два последних вопроса, и я больше не задержу вас. Исследовав эту изумрудную вещицу, считаете ли вы ее подлинной?

Доктор Фэнш прекратил рассматривать свои ботинки. Он поднял глаза и, упершись взглядом в точку, находящуюся чуть выше левого плеча М., заявил:

— Разумеется. Не только я, но и мистер Сноумэн, представитель фирмы «Вартски», объединяющей крупнейших дилеров и экспертов по работам Фаберже в мире. Несомненно, это исчезнувший шедевр Карла Фаберже, единственный рисунок которого выполнен самим автором.

— А что эксперты думают о судьбе шедевра?

— Почти все изделия Фаберже приобретались в частном порядке. Мисс Фройденштейн сообщает, что ее дед был необыкновенно богатым человеком до революции, владельцем фарфоровых заводов. Девяносто девять процентов работ Фаберже так или иначе оказалось за границей. В Кремле оставили лишь несколько его творений. Просто в качестве примера дореволюционных предметов роскоши в России. Официальной точкой зрения Советов всегда было, что это всего-навсего капиталистические побрякушки. Официально их презирают, как, впрочем, и свою восхитительную коллекцию французских импрессионистов.

— То есть у Советов по-прежнему находятся некоторые работы Фаберже? Возможно ли, что долгие годы эта изумрудная вещица пролежала где-нибудь в кремлевских запасниках?

— Вполне. Сокровища Кремля огромны, и кому известно, что они там еще прячут. Совсем недавно они выставили на обозрение лишь то, что сочли нужным выставить.

М. раскуривал трубку. Его глаза смотрели сквозь клубы дыма доброжелательно и, казалось, почти незаинтересованно:

— Скажите, нет ли оснований сделать предположение, что этот изумрудный шарик был выужен из запасников Кремля, снабжен сфабрикованными сопроводительными документами, чтобы легализовать право владения им, и переправлен за границу в качестве награды за оказанные услуги кому-либо из больших друзей России?

— Разумеется, есть. Это был бы гениальный способ выплаты крупного вознаграждения без перевода значительных сумм на его или ее банковский счет. — Однако окончательная величина вознаграждения в денежном выражении будет, конечно, зависеть от суммы, полученной при реализации предмета, например, от аукционной цены?

— Именно так.

— И какова, по вашим прогнозам, будет выручка за предмет на аукционе «Сотбис»?

— Точную цифру спрогнозировать невозможно. Фирма «Вартски» наверняка предложит очень высокую цену. Конечно, они никогда и никому не сообщат, какую именно — не важно, для себя они будут ее покупать или же выступать от имени заказчика. Многие зависит от того, насколько высоко их вынудит поднять цену основной соперник на аукционе. В любом случае, по моему мнению, сумма составит не менее 100 тысяч фунтов стерлингов.

— Гм, — уголки губ М. опустились. — Дороговатый кусочек драгоценностей. Доктор Фэнш пришел в замешательство от такого откровенно мещанского подхода М. к произведениям искусства. Он взглянул М. прямо в лицо.

— Уважаемый сэр, — запротестовал он, — в таком случае вы и украденную картину Гойи, проданную на аукционе «Сотбис» за 140 тысяч фунтов стерлингов и

помещенную в Национальной галерее, считаете лишь, как вы выражаетесь, дороговатым кусочком холста и краски?

М. умиротворяющим тоном произнес:

— Простите меня, доктор Фэнш. Я неуклюже выразился. У меня всегда не хватало свободного времени, чтобы позволить себе интересоваться произведениями искусства, и моего должностного оклада морского офицера явно недостаточно для их покупки. Меня лишь приводят в смятение нынешние бешеные цены на аукционах.

— Ваше право иметь свое мнение, сэр, — сухо бросил доктор Фэнш.

Бонд решил, что настало время прийти М. на выручку. Он хотел также побыстрее выпроводить доктора из кабинета, чтобы заняться профессиональными аспектами этого необычного дела. Поэтому он обратился к М.:

— Полагаю, сэр, что в дополнительных сведениях я не нуждаюсь. Несомненно, все разъясняется самым простым образом (это уж точно!) и сводится к тому, что одной из наших сотрудниц очень сильно подфартило. Однако со стороны доктора Фэнша было очень мило взять на себя такой труд и сообщить обо всем нам, — он повернулся к доктору. — Угодно ли вам, чтобы я вызвал нашу машину для персонала и она отвезла вас, куда вы пожелаете?

— Нет, что вы, благодарю. Большое спасибо. Я с удовольствием пройду через парк.

Были произнесены слова прощания, пожаты друг другу руки и Бонд проводил доктора к выходу. К тому времени, как он вернулся в кабинет, М. уже успел вынуть из выдвинутого ящика пухлую лапку с красной звездой на обложке, что означало совершенно секретный характер материалов, и погрузиться в ее содержимое. Бонд снова занял свое место и стал терпеливо ждать. В кабинете царила тишина, если не считать шуршания страниц дела. Но и оно прекратилось, когда М. отыскал в своей картотеке одну из синих карточек, которые пестрили конфиденциальными сообщениями о персонале, и тщательно изучил ее.

Наконец М. сунул карточку в файл и поднял свои голубые глаза, светившиеся неподдельным интересом:

— Да, — протянул он, — все сходится. Девушка родилась в 1935 году в Париже. Мать — активная участница Сопротивления во время войны, помогала партизанам в организации подпольной сети и переправке с оккупированной территории наших людей. После войны Мария поступила в Сорбонну, а затем устроилась на работу переводчицей а военно-морском отделе посольства. Остальное вам известно. Из-за некоторых сексуальных излишеств она была скомпрометирована старыми друзьями матери по Сопротивлению, которые к тому времени уже работали на НКВД, и с тех пор находилась в разработке. Без сомнения, по подсказке, она подала заявление с просьбой разрешить ей британское подданство. Благоприятные отзывы из посольства и заслуги матери во время войны помогли Марии в 1959 году получить его. Форин — оффис рекомендовал нам ее самым лестным образом. Именно в этот момент она совершила грубейшую ошибку — попросила перед поступлением к нам на работу предоставить ей годовой отпуск. Через агентурную сеть Хатгинсона удалось установить, что этот год она обучалась в Ленинграде в шпионской школе. Предположительно, там она получила обычную разведывательную подготовку, и нам пришлось поломать голову, как с ней поступить дальше. Наконец, Секция 100 придумала операцию с «Пурпурным шифровальным кодом». Уже три года, как она работает в штаб-квартире нашей службы на КГБ, и теперь вот получает вознаграждение — этот изумрудный шарик стоимостью 100 тысяч фунтов стерлингов. Данный факт интересен с двух точек зрения. Во-первых, он означает, что КГБ полностью заглотил наживку в виде «Пурпурного шифра», иначе не выплатил бы такой баснословной суммы. Что ж, это неплохая новость. Значит, мы можем усложнить передаваемый материал, включить в него кое-какую дезинформацию

третьей степени и даже второй. Во-вторых, он объясняет то, что мы никак не могли понять — девица не получала за работу никаких денег. Это нас тревожило. На ее счет в банке «Глин, Миллз» поступала только ежемесячная зарплата в 50 фунтов стерлингов, и она жила исключительно на эти деньги. Теперь, благодаря присланной ей побрякушке, она оптом получит за все время. Так что все в порядке.

М. потянулся к пепельнице из двенадцатидюймовой раковины и с видом хорошо поработавшего человека выбил в нее пепел из трубки. Из-за желания закурить сигарету Бонд не переставал ерзать на своем стуле, но о том, чтобы попросить разрешение, не могло быть и речи. А как все-таки он нуждался в сигарете, чтобы собраться с мыслями! Он чувствовал, что не все четко вписывается в предложенную М. схему, в особенности один важный момент. Он вкрадчиво спросил:

— Удалось ли нам за все это время засечь ее контакт с местной резидентурой, сэр? Каким образом она получает инструкции?

— А она в них не нуждается, — убежденно заявил М., занимаясь своей трубкой, — Как только она получила доступ к «Пурпурному коду», все, что от нее требовалось — удержаться на занимаемой должности. Подумайте сами, шесть раз в день она им на блюдечке подносит секретную информацию. Какие еще инструкции ей давать? Я даже сомневаюсь, подозревают ли сотрудники резидентуры КГБ в Лондоне о ее существовании, возможно, только резидент и знает о ней. Но, как вам известно, мы даже не вычислили, кто он такой. Раскройте мне на него глаза.

У Бонда внезапно возникла блестящая идея, как будто кинокамера начала прокручивать в голове пленку и на экране появились четкие кадры. Стараясь оставаться спокойным, он небрежно заметил:

— Я не исключаю, что эта история с аукционом «Сотсби» выведет нас на резидента.

— О чем вы толкуете, 007? Объясните.

— Сэр, — глаза Бонда излучали уверенность и спокойствие, — вы помните, как доктор Фэнш упомянул об основном сопернике специалистов из фирмы «Вартски» на аукционе, который вынудит их предложить самую высокую цену. Если, как утверждает доктор Фэнш, русских не очень волнует, что из себя представляют работы Фаберже, они вряд ли осознают их реальную ценность. Во всяком случае, сомнительно, чтобы КГБ разбирался в таких делах. Ребята из этой конторы могут предполагать стоимость отдельных элементов «Сферы», скажем, десять-двенадцать тысяч фунтов стерлингов за изумруд. Такой размер суммы больше напоминает вознаграждение, чем то состояние, которое ожидает девицу, если верить словам доктора Фэнша. Итак, если резидент является единственным человеком, которому известно о мисс Мария Фройденстайн, только он один будет осведомлен о том, что ей пришла посылка. Именно он будет соперником на торгах, ему прикажут явиться на аукцион «Сотсби» и поднять цену выше крыши. Я в этом убежден. Поэтому мы сможем выявить его и получим достаточно оснований для высылки его из страны. Он даже не поймет, где допустил прокол, да и КГБ не поймет. Если мне будет позволено появиться на торгах, я сумею установить его. Целесообразно все происходящее в аукционном зале записать на кинопленку и на магнитофон. С полученными материалами мы вынудим Форин-оффис объявить его персоной нон грата с предложением выехать из Англии в течение недели. А ведь резиденты не растут на деревьях, могут потребоваться месяцы, прежде чем КГБ подыщет подходящую кандидатуру для замены.

— Возможно, что-то здесь есть, — сказал М. в раздумье. Он крутнулся на стуле и стал рассматривать в окне силуэты лондонских зданий. Наконец, повернув в сторону Бонда только голову, добавил:

— Хорошо, 007. Доложите начальнику Штаба и запускайте машину в ход. Я со своей стороны улажу все вопросы со службой безопасности. Хотя это и их вотчина,

но птичка все-таки наша. Думаю, недоразумений не возникнет. Однако не увлекайтесь, не вздумайте сами торговаться из-за этого дерьма.

— Не буду, сэр, — ответил, вставая, Бонд и быстро вышел из кабинета. Он считал, что сделал разумное предложение и стремился доказать это. К тому же М. мог передумать.

Передний фасад здания на Риджент-стрит, 138, который занимала фирма «Вартски», был скромным и в то же время ультрасовременным. На витрине — лишь несколько современных и старинных драгоценностей, поэтому трудно было представить, что фирма является крупнейшим дилером в мире, специализирующимся в области работ Фаберже. В убранстве интерьера — серый ковер, отделанные деревом стены, непритязательные коробки из витринного стекла — ничто не напоминало о роскоши Бушерона, Квартала или Ван Клифа, однако ряд грамот от королевы Марии, королевы — матери, самой королевы, короля Греции Поля и короля Дании Фредерика IX давали основания полагать, что эта фирма по продаже драгоценностей не такая уж и простая.

Джеймс Бонд справился, где он может найти мистера Кеннета Сноумэна. От сидевшей в глубине помещения группы людей отделился хорошо одетый приятный мужчина лет сорока и представился. Бонд вежливо заявил:

— Я из Департамента криминальных расследований. Хотел бы побеседовать с вами. Если желаете, можете проверить мои документы. Меня зовут Джеймс Бонд. Но для этого вам придется выйти непосредственно на сэра Рональда Валленса или на его заместителя. Дело в том, что я работаю не в самом Скотланд-Ярде, а выполняю, скажем так, обязанности офицера связи.

Казалось, умные наблюдательные глаза подошедшего мужчины даже не остановились на Бонде. Он улыбнулся:

— Проходите. У нас сейчас встреча с американскими друзьями из фирмы «Старая Россия» с Пятой авеню. Обычный обмен мнениями.

— Знаю это место, — улыбнулся в ответ Бонд. — Магазин забит дорогими иконами и всякой всячиной. По-моему, расположен неподалеку от фирмы «Пьера».

— Верно, — мистер Сноумэн, казалось, уверился в посетителе еще больше.

Он провел Бонда вниз по узкой, устланной коврами лестнице в сверкающий зал, где, по — видимому, и выставались главные сокровища фирмы. Внутри стоящих вдоль стен витрин мерцали в лучах искусственного света золотые изделия, бриллианты, ограненные драгоценные камки.

— Присаживайтесь. Хотите сигарету?

Бонд в ответ вытащил свои:

— Речь идет о выставленной на завтрашних торгах в «Сотбисе» «Изумрудной сфере» Фаберже.

— А... да, — брови мистера Сноумэна тревожно и вопрошающе приподнялись. — Надеюсь, ничего неприятного не случилось?

— С вашей точки зрения, ничего. Но мы очень интересуемся самим фактом продажи. Нам известна владелица «Сферы», мисс Фройденстайн. Мы полагаем, что на аукционе будет сделана попытка искусственно поднять цену. Исходя из того, что завтра ваша фирма намерена, так сказать, оставить поле боя за собой, мы хотели бы узнать о вашем главном сопернике.

— Да, э... хорошо, — размышляя, насколько он может быть откровенным, проговорил мистер Сноумэн. — Мы, конечно, намерены поторговаться за нее. «Сфера» пойдет за баснословные деньги. Только между нами, мы полагаем, что в торгах примут участие музей «Виктория и Альберт» и, возможно, музей «Метрополитен». А вы что, преследуете кого-нибудь из жуликов? Если так, то вам не о чем беспокоиться. На такого рода аферы они не способны.

— Нет, речь идет не о жуликах, — Бонд также прикидывал, насколько

откровенным он может быть с собеседником. Ведь если люди очень тщательно оберегают секреты своего бизнеса, это еще не значит, что они так же будут откоситься и к вашим. Он взял со стола деревянную табличку, отделанную слоновой костью, и прочитал:

"Покупая, купец ни в грош не ставит товар.

Но как же он хвалит его, стремясь получить навар."

Бонду понравилось:

— За этим изречением — весь базар, все нюансы взаимоотношений между продавцом и покупателем, — он взглянул мистеру Сноумэну прямо в глаза. — Мне в этом деле потребуется такой же нюх, такая же интуиция. Поможете ли вы мне?

— Без сомнения. Но скажите, о какой конкретно помощи идет речь? Сноумэн повел рукой. — Если вы опасаетесь за свои секреты, то прошу вас, не тревожьтесь. Ювелиры к ним привычны. В этом плане Скотланд-Ярд претензий к нам не имеет. Бог знает, сколько раз мы с ним имели дело за эти годы.

— А если я сообщу вам, что я из Министерства обороны?

— То же самое. Вы полностью можете положиться на меня.

Бонд решил:

— Договорились. Естественно, все это подпадает под официальный акт о соблюдении секретности. Мы подозреваем, что основным соперником, по всей вероятности вашим, будет советский шпион. Моя задача заключается в том, чтобы установить его личность. Больше, боюсь, сказать вам ничего не могу. Да вам больше знать ничего и не требуется. Все, что я хотел бы — это с вами вместе прийти завтра вечером на аукцион, где вы помогли бы выявить человека, о котором идет речь. Конечно, медали вам за это не повесят, но мы были бы вам очень благодарны.

Мистер Сноумэн загорелся энтузиазмом:

— Будьте уверены, с удовольствием берусь помочь вам. Однако, — он озадаченно покачал головой, — все это будет не так просто сделать. Глаза фирмы «Сотбис» Питер Вильсон, который будет вести торги, единственный человек, который может наверняка назвать лиц, выступающих на аукционе. Это в том случае, если они пожелают остаться неизвестными. Существуют десятки способов предлагать во время аукционных торгов цены, ничем не проявляя себя, если покупатель оговорит заранее с Питером Вильсоном свои действия, свой код, выражаясь профессионально. Питеру и во сне не может присниться, чтобы он раскрыл кому-либо этот код. Вся игра покупателя пойдет насмарку, если станет известна предельная сумма, на которую он готов пойти. Поэтому в аукционных кругах, как вы понимаете, это главный секрет.

А если со мной явитесь вы, его будут соблюдать в тысячу раз надежнее. Тон на торгах, вероятно, буду задавать я. Мне уже известен допустимый предел — между прочим, я буду работать на клиента — но для меня все будет гораздо проще, если узнаю заранее, насколько далеко может позволить себе пойти мой соперник. То, что вы сообщили, уже большая услуга. Я предупрежу своего человека в аукционном зале. Если у вашего шпиона крепкие нервы, он действительно может заставить меня поднять цену до потолка. Конечно, в зале будут и другие покупатели. Да... вечерок предстоит занимательный. Аукцион будет транслироваться по телевидению, и для всех этих приглашенных миллионеров, герцогов и герцогинь пройдет в виде гада-представления, которые «Сотбис» умеет устраивать, уж поверьте мне. Разумеется, замечательная реклама. Боже милостивый, если бы они пронюхали, что в аукционе замешаны рыцари плаща и кинжала, что бы там поднялось!.. Итак, шутки в сторону. Что нужно еще будет сделать? Только установить этого человека и все?

— Да, все. Как вы думаете, за сколько фунтов пойдет эта вещь?

Мистер Сноумэн прикусил зубами свою золотую ручку:

— Видите ли, здесь я пасую. Верхний предел суммы мне известен, но это секрет моего клиента, — он сделал паузу и задумался. — Скажем, если ее отдадут меньше,

чем за 100 тысяч фунтов стерлингов, мы будем очень удивлены.

— Понятно, — сказал Бонд. — Теперь, как мне попасть в аукционный зал? Мистер Сноумэн раскрыл элегантный кейс из крокодиловой кожи, вынул два пригласительных билета и протянул один Бонду:

— Я его приготовил для жены. Ничего, раздобуду в аукционном зале другой. Ваше место — Б5, расположено очень удобно, в центре зала, напротив аукциониста.

Бонд взял приглашение, на котором было написано:

«Сотбис» и К

Проводятся торги

Предметы из собрания изящных драгоценностей, а также Единственное в своем роде произведение искусства Фаберже. Собственность леди.

Билет дает право на вход одному лицу в главный аукционный зал.

Состоятся 20 июня ровно в 9 часов 30 минут вечера.

Вход со стороны улицы Святого Георгия.

— Это не прежний парадный вход в стиле георгианской эпохи со стороны Бонд-стрит, — разъяснил мистер Сноумэн. — У них теперь над бывшим запасным входом сооружен навес, перед дверьми расстелен красный ковер, — все сделано после того, как Бонд-стрит объявили улицей с односторонним движением. А теперь, — поднялся он со стула, — не хотели бы вы ознакомиться с некоторыми произведениями Фаберже? Здесь у нас есть кое-что из того, что мой отец выкупил у Кремля в 1927 году. Вы, по крайней мере, будете иметь представление, из-за чего разгорелся весь этот сыр— бор, хотя, конечно, «Изумрудная сфера» несравненно великолепнее всего того, что я могу показать из работ Фаберже, за исключением императорских пасхальных яиц.

Джеймс Бонд покинул эту сказочную пещеру Аладдина, ослепленный блеском бриллиантов, мерцанием разноцветного золота, сиянием полупрозрачных изделий из эмали и финифти. Выйдя на Риджент-стрит, он направился к Уайт-холлу, где провел остаток дня в однообразных серых учреждениях, планируя и тщательно подготавливая мероприятия по идентификации и фотографированию человека в переполненном зале, у которого еще не было лица и имени, но который несомненно являлся главным советским шпионом в Лондоне.

На следующий день с самого утра Бонд был предельно возбужден. Он нашел предлог для посещения Секции связи и заглянул в небольшое помещение, где мисс Мария Фройденстайн и два ее ассистента работали на шифровальных машинах с применением «Пурпурного кода». Взяв папку с еще не зашифрованными материалами — он имел право доступа к большей части информации в штаб-квартире — Бонд пробежал глазами тщательно продуманные сообщения, которые через час с небольшим будут непрочитанными отложены в сторону каким-нибудь начинающим сотрудником ЦРУ в Вашингтоне и с почтительностью вручены высокопоставленному офицеру КГБ в Москве. Он перекинулся шутивными замечаниями с обеими девушками-ассистентками, а Мария Фройденстайн лишь едва оторвалась от машины и вежливо улыбнулась ему. По коже Бонда прошли мурашки от такой близости к предательской и глубоко запрятанной под отделанной оборочками белой блузкой черной душе, которой грозила смертельная опасность. Мария была внешне непривлекательной девушкой с бледным, довольно прыщеватым размытым лицом и черными волосами. Таких девушек обычно никто не любит, у них мало друзей, держатся они вызывающе, особенно незаконнорожденные, и таят в себе обиду на весь мир. Возможно, ее единственным удовлетворением в жизни был секрет, который она носила под своей впалой грудью — сознание того, что она выше и умнее всех окружавших ее лиц, что каждый день она изо всех сил мстила обществу, тому обществу, которое презирало, вернее, игнорировало ее. О, однажды они еще пожалеют! То был обычный образчик комплекса неврастенички, месть

«гадкого утенка» всему миру.

Бонд отправился по коридору в свой кабинет. Сегодня вечером эта девушка получит состояние, свою плату в тридцать серебряников, увеличенную в тысячу раз. Возможно, деньги изменят ее характер, принесут счастье. Она сможет позволить себе услуги лучших косметологов, прекрасную одежду, хорошенькую квартиру. Но ведь М. заявил, что намеревается активизировать проведение операции «Пурпурный шифровальный код» и передавать более серьезную дезинформацию. Работа предстоит ювелирная. Один неверный шаг, одна неосторожная ложь, один поддающийся перепроверке обман в сообщении, и КГБ учует запах жареного. Еще один прокол, и они поймут, что их водили за нос, причем позорно, в течение трех лет. На такое унижение последует быстрая ответная реакция. Там сделают вывод, что Мария Фройденштайн была двойным агентом и работала как на русскую, так и на британскую разведки. Ее неизбежно и в кратчайшие сроки ликвидируют, возможно даже с помощью цианистого пистолета-распылителя, о котором Бонд читал совсем недавно. Рассеянно глядя в окно поверх деревьев в Риджент-парке, Джеймс Бонд передернул плечами. Слава Богу, его все это не касается. Судьба девушки была не в его руках. Она была втянута в грязную сеть шпионажа и ей просто посчастливится, если она успеет потратить хотя бы одну десятую часть богатства, которое получит через несколько часов на аукционе.

У здания «Сотбис» на улице Святого Георгия вереница машин. Бонд расплатился с таксистом и присоединился к толпе людей, которые поодиночке просачивались в здание. Показав облаченному в форму швейцару пригласительный билет и получив от него каталог. Бонд, смешавшись с фешенебельной и возбужденной публикой, прошел по широкой лестнице и вдоль галереи в уже заполненный главный аукционный зал. Заняв свое место рядом с мистером Сноумэном, который записывал в лежащий на коленях блокнот какие-то цифры, он огляделся вокруг.

Аукционный зал был высоким и просторным, размером с теннисный корт, оформленный в старинном духе, с двумя большими канделябрами, излучающими приятный рассеянный свет, который контрастировал с яркими лучами, расходящимися вдоль потолка со сводами. Стеклопанельная крыша была затенена наполовину задернутой шторой, препятствовавшей проникновению в зал солнца во время проведения дневных торгов. Стены зелено-оливкового цвета были увешаны картинами и гобеленами, а на специально сооруженной платформе, обитой по бокам гигантским полотном со сценой из охотничьей жизни, расположились операторы с телевизионными камерами, в числе которых был и оператор из MI-5 с пропуском для прессы от газеты «Санди Таймс». В зале на небольших золоченых стульях сидело около ста дилеров и зрителей, взгляды которых были направлены на стройную фигуру аукциониста в безукоризненном пиджаке с гвоздикой в петлице, спокойно и без лишних жестов вещавшего с приподнятой деревянной трибуны:

— Пятнадцать тысяч фунтов. Шестнадцать, — пауза, взгляд на кого-то в переднем ряду. — Против вас, — сэр, и в ответ приподнял каталог. — Объявляю семнадцать тысяч фунтов. Восемнадцать. Деятнадцать. Объявляю двадцать тысяч фунтов. — Речь аукциониста продолжала журчать плавно и неторопливо, в то время как внизу среди публики такие же спокойные покупатели с непроницаемыми лицами подавали ему на кафедру сигналы — ответы на предложенные цены.

— Что он продает? — спросил Бонд, открывая каталог.

— Лот 40, — ответил мистер Сноумэн. — Бриллиантовое ожерелье. Видите, помощник держит на черном бархатном подносе. Возможно, оно пойдет за двадцать пять тысяч. Против французской лары выступает итальянец. Иначе ожерелье обошлось бы им всего в двадцать. Я торговался лишь до пятнадцати. Очень хотелось завладеть ими — прекрасные камни. Вот и все, продано.

И верно, цена поднялась до двадцати пяти тысяч и молоточек, который аукционист держал не за ручки, а за головку, мягко опустил, поставив точку в торгах за ожерелье.

— Ваше, сэр, — произнес мистер Питер Вильсон, и клерк по продаже засеменил между рядами, чтобы идентифицировать покупателя.

— Вы знаете, я разочарован, — сказал Бонд.

Мистер Сноумэн оторвал взгляд от каталога:

— Могу я вас спросить, почему?

— Мне никогда раньше не приходилось бывать на аукционах, и я всегда думал, что аукционист три раза стучит молотком, называя каждый раз сумму, говоря при этом: раз, два, три, продано — чтобы не лишить покупателей последнего шанса.

Мистер Сноумэн рассмеялся:

— Вы до сих пор можете встретиться с таким ведением аукциона в графствах или в Ирландии, но на лондонских аукционах от этого отказались еще до того, как я начал посещать их.

— Жаль. Раньше на торгах было больше драматизма.

— Ничего, через пару минут его будет достаточно и здесь. Сейчас будет последний лот перед началом интересующего нас представления.

Один из помощников аукциониста благоговейно развернул на черном бархатном подносе браслеты со сверкающими рубинами и бриллиантами. Бонд заглянул в каталог и отыскал описание лота 41. В нем вычурным и витиеватым слогом говорилось:

ПАРА ИЗЯЩНЫХ РУБИНОВЫХ И БРИЛЛИАНТОВЫХ БРАСЛЕТОВ, фронтальная сторона каждого в виде эллиптической грозди, состоящей из одного крупного и двух меньшего размера рубинов, ограниченной по периметру бриллиантами в форме подушечек; боковые и внутренняя стороны выполнены в виде более простых гроздей, чередующихся с бриллиантовым ажурным орнаментом с тонким кружевом завитков, расходящихся от центров с отдельными рубинами между свитыми в цепи рубиновыми и бриллиантовыми лентами, на фоне мельчайших золотых шариков зерни. Застежка-фермуар выполнена в виде эллиптической грозди.

В соответствии с семейной традицией данный лот ранее являлся собственностью миссис Фитцхерберт (1756-1837). Факт ее брака с принцем Уэльским (ставшим впоследствии королем Георгом IV) окончательно установлен в 1905 году, когда помещенный на хранение в банке «Куттс» (в 1833 году) опечатанный пакет с монаршего позволения был вскрыт и в нем обнаружены брачное свидетельство и прочие документальные доказательства.

Настоящие браслеты были предположительно переданы миссис Фитцхерберт ее племяннице, которую герцог Орлеанский величал «самой прекрасной девушкой Англии».

Пока на торгах все текло своим чередом. Бонд покинул свое место и пробрался по проходу в конец зала, откуда многие зрители уже вышли в новую галерею и холл, чтобы следить за аукционом по установленным там телевизорам. Он тщательно рассматривал собравшихся людей, выискивая какое-либо знакомое лицо из 200 сотрудников советского посольства. Их фотографии, полученные тайным путем, он изучал в течение всех последних дней. Однако среди разношерстной публики — дилеров, коллекционеров-любителей, богатых искателей приключений — не было решительно никого, кто хотя бы отдаленно напоминал разыскиваемых им людей. Вообще-то знакомые типы попадались, он их знал по скандальной хронике в газетах. Промелькнуло и несколько бледных лиц, которые могли принадлежать русским, но с не меньшим успехом и полдюжине других европейских национальностей. То тут, то там появлялись люди в темных очках, но это ни о чем не говорило. Бонд решил вернуться на свое место. Тот, кого он ищет, должен все-таки обозначить себя во

время торгов.

— Объявляю четырнадцать тысяч. Пятнадцать. Пятнадцать тысяч. Молоточек опустился. — Ваши, сэр.

Теперь зал возбужденно зашевелился, зашелестели каталоги. Мистер Сноумэн вытер белым шелковым платком лоб и повернулся к Бонду:

— Сожалею, сэр, но теперь вам придется действовать в основном одному. Я должен внимательно следить за ходом аукциона, да и в любом случае по какой-то неизвестной причине здесь считается плохим тоном поворачиваться назад и высматривать того, кто противостоит вам. Конечно, если вы участвуете в торгах. Так что я смогу выявить интересующее вас лицо, если оно находится где-то перед нами, но это вряд ли. Вам остается следить за глазами Питера Вильсона и попытаться определить, на кого он смотрит или кто смотрит на него. Чтобы вам удалось обнаружить нужного человека, а это может оказаться весьма сложным делом, фиксируйте в зале любое, даже малейшее движение. Чтобы этот некто ни сделал — почесал в затылке, дотронулся до мочки уха, да все, что угодно, — будет являться кодом, обусловленным с Питером Вильсоном. Я полагаю, его условный знак не так очевиден, как простое поднятие каталога. Вы понимаете, о чем я толкую? И не забывайте, что он вообще может не делать никаких движений до тех пор, пока не сочтет, что поднял против меня мою предельную цену. Именно в этот момент он решит выйти из борьбы и подаст об этом знак. Заметьте, — мистер Сноумэн улыбнулся, — когда мы приблизимся к финишу, я так наяду на него, что заставлю проявиться. Это, разумеется, в том случае, если мы останемся единственными соперниками. Но, смею вас заверить, так и будет.

Судя по настроению мистера Сноумэна, Джеймс Бонд уверился, что тот получил распоряжение завладеть «Изумрудной сферой» любой ценой. Шум в зале внезапно стих, когда в зал с соответствующими церемониями внесли высокий пьедестал, задрапированный черным бархатом, и установили напротив кафедры аукциониста. На него поставили внушительных размеров овальный футляр, обшитый белым бархатом, после чего пожилой служащий в серой униформе с красными рукавами и воротничком, подпоясанный черным ремнем, торжественно раскрыл его, вынул лот 42 и, водрузив на черный бархат пьедестала, убрал футляр.

Отполированный изумруд размером с мяч для игры в крикет засверкал в своей изящной оправе сверхестественными ярко-зелеными огоньками, сочетаясь с разноцветным блеском других драгоценных камней на поверхности «Сферы» и небесного меридиана. Публика в восхищении замерла, даже клерки и эксперты, находящиеся за кафедрой и сидящие за высоким конторским столом около аукциониста, издавшие виды и привыкшие к проходящим перед их глазами драгоценностям королевских дворов Европы, даже они подались вперед, чтобы получше рассмотреть сокровище.

Джеймс Бонд опять углубился в каталог. Вот оно, описание лота 42, перегруженная тяжеловесными эпитетами проза:

ЗЕМНАЯ СФЕРА

Изготовлен в 1917 году Карлом Фаберже для русского джентльмена. В настоящее время — достояние его внучки, Лот 42, Фаберже, Земная сфера. Сфера выполнена из обнаруженного в Сибири крупного куска ярко-зеленой изумрудной маточной породы с превосходной прозрачностью. Вес — приблизительно тысяча триста карат. Представляет собой настольные часы в виде земного шара, вставленного в изысканную оправу спиральной формы из четырехцветного золота, усыпанную розовыми бриллиантами и небольшими яркими изумрудами. Вокруг оправы — шесть золотых ангелов-младенцев («путти»), резвящихся в облаках, выполненных из чистого горного хрусталя с изящными прожилками из крошечных розовых бриллиантов. Земной шар с тщательно выгравированной на нем картой

мира, с обозначением крупнейших городов в виде сверкающих бриллиантов, помещенных в золотые гнезда, механически поворачивается на оси, приводимой в движение спрятанным в основании часовым механизмом работы Г. Мозера. Шар окружен фиксированным золотым поясом, покрытым перламутровой матовой эмалью и помещенным в специально предусмотренном для него канальчике с муаровыми узорами. На поясе находятся выполненные бледно-эмалевой сепией римские цифры, которые являются циферблатом часов. Вставленный в Сферу треугольный бирманский рубин цвета голубиной крови и весом в 5 карат служит часовой стрелкой. Высота — 7 1/2 дюйма. Рабочий мастер — Генрих Вигстрем. В недлинном свальном футляре из белого бархата, с сатиновой подкладкой. Двойной замок. Золотой ключик крепится к основанию. Идея создание этой восхитительной Сферы возникла у Фаберже на пятнадцать лет раньше, о чем свидетельствует миниатюрный земной глобус, входящий в королевскую коллекцию в Сандринеме (А. Кеннет Сноумэн, «Искусство Карла Фаберже»), см. иллюстрацию 280.

Окинув быстрым ищущим взглядом зал, мистер Вильсон тихо стукнул молоточком:

— Лот 42 — произведение искусства. Карл Фаберже, — сделал короткую паузу. — Объявляю двадцать тысяч фунтов.

Мистер Сноумэн прошептал Бонду:

— Это означает, что он, вероятно, получил заявку на пятьдесят тысяч, по крайней мере. А объявленная цена — просто, чтобы сдвинуться с места.

В зале поднялся целый лес каталогов.

— Тридцать, сорок, объявляю пятьдесят тысяч фунтов. Шестьдесят, семьдесят, восемьдесят тысяч фунтов. Девяносто тысяч. — Опять пауза, а затем: — Объявляю сто тысяч фунтов.

В зале раздался гром аплодисментов. Телекамеры направились на молодого человека, одного из трех, находившихся на приподнятой платформе слева от аукциониста, и тихо разговаривающих по телефонам. Мистер Сноумэн прокомментировал:

— Это один из молодых сотрудников «Сотбис». У него прямая связь с Америкой. Я полагаю, сейчас он выступает от имени музея «Метрополитен», но не исключено, что представляет совсем другого клиента. Ну вот и мне пришло время потрудиться, — мистер Сноумэн щелкнул пальцем по свернутому в трубочку каталогу.

— И десять, — объявил аукционист.

Молодой человек переговорил по телефону и кивнул.

— И двадцать.

Вновь щелчок мистера Сноумэна.

— И тридцать.

Было видно, что молодой человек разговаривает по телефону значительно дольше, чем раньше, возможно, дает свою оценку, насколько еще может подняться цена. Он слегка помотал головой аукционисту, Питер Вильсон отвел от него взгляд и посмотрел в зал:

— Объявляю сто тридцать тысяч фунтов, — повторил он спокойно.

Мистер Сноумэн наклонился к Бонду:

— Теперь смотрите внимательно. Американцы, по-видимому, сошли с дистанции. Настало время поднимать меня вашему человеку.

Джеймс Бонд соскользнул со своего места и смешался с группой репортеров, стоявших в углу зала слева от кафедры. Взгляд Питера Вильсона был устремлен на дальний правый угол зала. Бонд не заметил никакого движения, однако аукционист объявил:

— И сорок тысяч фунтов.

Он посмотрел на мистера Сноумэна. Выдержав продолжительную паузу, мистер Сноумэн поднял пять пальцев. Бонд догадался, что это является частью его плана нагнетания обстановки. Он показывал свою неуверенность, намекая, что подошел к пределу своих возможностей.

— Сто сорок пять тысяч. — Снова пронизательный взгляд в конец зала. И опять никакого движения... Но все-таки какой-то знак был дан.

— Сто пятьдесят тысяч фунтов.

По залу прошел приглушенный шепоток, а кое-где раздались разобщенные аплодисменты. На этот раз реакция мистера Сноумэна была еще замедленнее, и аукционист дважды повторил последнюю заявленную цену. Наконец он прямо обратился к мистеру Сноумэну:

— Против вас, сэр.

Выдержав еще немного, мистер Сноумэн поднял пять пальцев.

— Сто пятьдесят пять тысяч.

Джеймса Бонда прошиб пот. Он абсолютно ничего не заметил, а торги определенно заканчивались. Аукционист повторил последнюю цену. И вот тут произошло незначительное движение в конце зала — коренастый мужчина в темном костюме снял свои очки. У него было гладкое трудноописуемое лицо, оно могло принадлежать управляющему банком, члену страховой ассоциации или доктору. Это движение должно было являться оговоренным с аукционистом условным знаком. До тех пор, пока на мужчине были очки, он давал знать, что поднимает цену на очередные десять тысяч. Сняв очки, обозначил, что вышел из игры. Бонд быстро взглянул на место, где работали телеоператоры. Да, так и есть, фотограф из MI-5 стоял на цыпочках с фотоаппаратом. Вот сработала фотовспышка. Бонд вернулся к себе на место и шепнул Сноумэну:

— Засек его. Свяжусь с вами завтра. Огромное спасибо.

Мистер Сноумэн лишь кивнул в ответ. Его глаза оставались прикованы к аукционисту.

Бонд пробирался по проходу в конец зала, когда аукционист в третий раз повторил:

— Объявляю сто пятьдесят пять тысяч фунтов стерлингов, — и тихо ударил молоточком. — Ваша, сэр.

Бонд успел добраться до намеченного места до того, как публика поднялась и бурно зааплодировала. Раскрытый им «товарищ» был зажат со всех сторон золочеными стульями. Он уже снова надел темные очки, и Бонд сделал то же самое. Когда публика устремилась вниз по лестнице, ему удалось слиться с ней и пристроиться за русским. Волосы у мужчины ниспадали на довольно короткую шею, а мочки ушей плотно прижимались к голове. Он слегка горбился, вероятно, страдал от деформации кости. Бонд лихорадочно прокручивал у себя в мозгу приметы и вдруг его осенило — да это же Петр Малиновский, официально занимающий в посольстве пост атташе по сельскохозяйственным вопросам.

Выйдя на улицу, мужчина быстрым шагом направился в сторону Кондуит-стрит. Джеймс Бонд не спеша сел в такси с уже работающим мотором, но опущенным флажком. Он бросил водителю:

— Это он. Спокойно.

— Хорошо, сэр, — ответил водитель из MI-5, медленно трогаясь с места. Малиновский поймал такси на Бонд-стрит. Сидеть у него на хвосте при движении в вечернее время было несложно. Когда такси с русским повернуло к северу от парка и поехало по улице Бэйзуотер, Бонд остался доволен. Оставалось выяснить, свернет ли она на частную улицу Кенсингтон Пэлас Гарденз, где в первом массивном здании слева располагается советское посольство. Если да, то вопросов больше нет. Двое патрульных полицейских, обычная охрана посольства, в преддверии этого вечера

были специально проинструктированы. Они должны будут подтвердить, вошел ли в здание советского посольства человек из преследуемого такси.

Затем с помощью доказательств, представленных секретной службой, свидетельских показаний Бонда и оператора из MI-5 у форин-оффиса будет иметься достаточно оснований для объявления товарища Петра Малиновского персоной нон грата, а за шпионскую деятельность — и для предложения упаковывать вещи. В разведке, как и в шахматной игре, сражаются беспощадно. На этот раз русские потеряют в ней ферзя. Посещение аукциона оказалось вполне оправданным. Такси, преследуемое Бондом, повернуло в нужном месте и въехало в большие железные ворота. Бонд сурово улыбнулся и подался вперед: — Спасибо тебе, водитель. В штаб-квартиру, пожалуйста.

Искры из глаз (The living daylights)

Знаменитый стрелковый тир «Сентри Рейндж» не менее известного во всем мире стрельбища Бизли. Джеймс Бонд находится на огневой позиции для стрельбы в положении лежа. Дистанция стрельбы — пятьсот ярдов. На вбитом рядом с ним в траву белом колышке обозначен номер 44. Этот же номер просматривается и на отдаленном стрельбищном валу поверх одиночной квадратной мишени размером шесть на шесть футов. В поздних летних сумерках для невооруженного глаза ока не больше почтовой марки. Но сквозь инфракрасный снайперский прицел, установленный на винтовке Бонда, мишень видна как на ладони. Он даже отчетливо различает бледно— голубые и бежевые цвета ее разметки, а шестидюймовый полукруг «яблочка» выглядит ничуть не меньше месяца, показавшегося над дальним гребнем Чобемского хребта.

Последний выстрел Джеймса Бонда был не самым удачным — пуля прошла цель чуть левее от центра. Он еще раз взглянул на голубые и желтые флажки, показывающие направление ветра. Они развевались на дувшем поперек направления стрельбы восточном ветре заметно сильнее, чем полчаса назад, и Бонд сделал на это поправку, повернув винт прицела на два деления вправо. Затем он устроился поудобнее, тщательно прицелился, аккуратно вложил палец в изгиб спускового крючка, затаил дыхание и плавно нажал на спуск.

Над пустынным стрельбищем заметалось эхо выстрела, мишень опустилась на землю, но тотчас появилась вновь, уже с данными о результатах стрельбы. Да, на этот раз пуля легла правее, прямо в «яблочко».

— Отлично! — раздался голос стоявшего сзади ответственного за проведение стрельб старшего офицера. — Продолжайте в том же духе.

Мишень появилась опять, и Бонд, прижавшись щекой к теплему деревянному ложу приклада, припал к каучуковому окуляру прицела. Вытерев о брюки руку, он взялся за рукоятку, расположенную сразу же за предохранительной скобой спускового крючка, и еще чуть-чуть раздвинул ноги. Теперь — попытаться выпустить пять пуль скорострельной стрельбой. Интересно, уйдет ли хоть одна из них в «молоко»? Вряд ли. Оружейник так усовершенствовал винтовку, что чувствовалось, и на расстоянии в одну милю можно было бы легко попасть в стоящего человека. За основу он взял международную экспериментальную винтовку для стрельбы по мишеням калибра 0,308 дюйма, разработанную фирмой «Винчестер» специально для американских спортсменов, выступающих на мировых чемпионатах по стрельбе. Как и у других высокоточных винтовок, в продолжение к прикладу снизу привинчивалась изогнутая алюминиевая рукоятка, которая, проходя под рукой стрелка, позволяла

надежно удерживать оружие у плеча. С помощью шестерни, размещенной внизу по центру оружия, ствол прочно крепился в бороздке ложи. Обычный затвор для однозарядной винтовки оружейник заменил на затвор с пятизарядным магазином и заверил Бонда, что если промежуток между выстрелами составит две секунды, то даже на расстоянии в пятьсот ярдов он не сделает ни одного промаха. Бонд же считал, что для выполнения поставленной задачи две секунды — слишком большая роскошь, если с первого выстрела он промахнется. Впрочем, скрывающийся под инициалом "М" его шеф заявил, что дистанция для стрельбы во время операции не превысит трехсот ярдов. Бонд решил сократить промежуток между выстрелами до одной секунды это будет почти автоматная очередь.

— Готовы?

— Да.

— Даю обратный отсчет, начиная с пяти. Пять, четыре, три, два, один. Огонь!

Земля чуть вздрогнула, и в воздухе пропели уносящиеся в вечерние сумерки пять мельхиоровых пуль. Мишень упала и тут же с четырьмя маленькими белыми дисками на «яблочке» возникла опять. Пятого диска не было, даже черного, который означал бы, что пуля поразила цель, но не в «яблочко».

— Последняя пуля пошла вниз, в бруствер, — опуская бинокль ночного видения, пояснил ответственный за проведение стрельб офицер. — Каждый год мы на этих брустверах просеиваем песок и добываем таким образом не менее пятнадцати тонн свинца и меди. Неплохие деньги, так что спасибо вам за взнос.

Бонд поднялся на ноги. Капрал Мензис из секции оружия и боеприпасов вышел из павильона «Стрелкового клуба», откуда наблюдал за стрельбой, и на коленях принялся разбирать винчестер. Взглянув на Бонда, он с укором проговорил:

— Вы несколько торопились при стрельбе, сэр. Последняя пуля просто должна была уйти в «молоко».

— Я знаю, капрал. Я хотел выяснить, насколько быстро могу стрелять. К оружию у меня никаких претензий — работа поистине замечательная. Пожалуйста, так и передайте от моего имени оружейнику. А теперь мне пора ехать. Надеюсь, вы сами доберетесь до Лондона, не правда ли?

— Разумеется. До свидания, сэр!

Старший офицер вручил Бонду протокол с данными о результатах его стрельбы — двух пристрелочных выстрелов и по десять выстрелов с переносом дальности на каждые сто ярдов. И так до пятисот ярдов.

— Для такой видимости — чертовски приличная стрельба. Право, вам сам бог велел в следующем году взять здесь приз Ее Королевского Величества. В чемпионате Британского Содружества наций теперь могут участвовать все.

— Благодарю, но загвоздка в том, что в Англии я мало провожу времени. И спасибо за помощь в корректировке стрельбы, — Бонд взглянул на возвышавшуюся поодаль башню с часами, с которой опускали предупреждавшие об опасности красные флаги и метеорологические сигнальные цилиндры, давая тем самым знать, что стрельбы завершены. Стрелки часов показывали девять пятнадцать.

— Я хотел бы угостить вас в баре, но у меня срочная встреча в Лондоне. Может быть, отложим выпивку до соревнования на приз Королевы, о котором вы только что упомянули.

Руководитель стрельб неопределенно кивнул. Ему страшно хотелось побольше разузнать об этом человеке, который, свалившись как с неба после шквала звонков из Министерства обороны, поразил на всех дистанциях более девяноста процентов мишеней. И это после того, как стрельбище было закрыто в связи с наступлением сумерек и видимость становилась все хуже и хуже. Его свербил мысль, почему ему, назначенному на пост совсем недавно, в июле, было приказано присутствовать при стрельбе? И почему ему было предложено проследить за тем, чтобы «яблочко» для

Бонда на дистанции в пятьсот ярдов имело лишь шесть дюймов в диаметре, а не положенные пятнадцать? И зачем вся эта кутерьма с флагами предупреждения об опасности и сигнальными цилиндрами, которые вывешиваются только по торжественным случаям? Оказать психологическое воздействие? Убедить в настоятельной необходимости стрельбы? Бонд. Коммандер Джеймс Бонд. Несомненно, в Национальной стрелковой ассоциации имеются сведения о таких стрелках, как он. Надо будет заглянуть туда. Да... Странное время для встречи в Лондоне. Возможно, с девушкой. Невыразительное лицо руководителя стрельб приняло недовольное выражение. Конечно, такому молодцу доступны все девушки, стоит только захотеть. Вдвоем они прошли через массивное здание «Стрелкового клуба» за тиром к машине Бонда, припаркованной у разукрашенной пулями стальной репродукции известной картины Ландсеера «Бегущий олень».

— Неплохая модель, — отозвался о машине руководитель стрельб, — никогда не встречал такую. Что, сделана по заказу?

— Да. Видите ли, в машинах серии «Марк IV» только передние сидения удобны, и к тому же в них дьявольски мало места для багажа. Вот я и попросил ребят из фирмы «Муллинер» переделать ее в обычную двухместную машину, зато с приличным багажником. Так сказать, машина только для себя, пассажиров уже не посадишь. Итак, до свидания. Еще раз благодарю за все.

Две спаренные выхлопные трубы тяжело зарокотали и из-под задних колес полетела щебенка.

Руководитель стрельб проводил глазами удаляющиеся по авеню Кинг в сторону лондонской дороги рубиновые огоньки машины до их полного исчезновения и отправился искать капрала Мензиса с целью выудить у него информацию о Бонде. Но бесполезно. Капрала было так же трудно разговорить, как и ящик из красного дерева, который он загружал в пятнистый «Лэнд Ровер» без военных опознавательных знаков. Руководитель стрельб был майором, и попытался расспрашивать капрала с позиции старшего по званию. И опять безуспешно. «Лэнд Ровер» укатил вслед за Бондом. Майор уныло поплелся в здание Национальной стрелковой ассоциации в надежде получить там интересующие его сведения в библиотечной картотеке в подразделе «Бонд Дж.»

У Джеймса Бонда не было назначено встречи с девушкой. Он спешил на рейс самолета Британской европейской авиакомпании, следующего в Ганновер и Берлин. Лондонский аэропорт приближался с каждой милей, Бонд выжимал из машины все возможное, чтобы иметь до взлета в запасе достаточно времени для одной, нет, лучше для трех порций виски. Но не только этим были заняты его мысли. Он снова и снова прокручивал последовательность событий, которые предопределили его полет. В один из ближайших трех вечеров ему предстоит встреча в Берлине с человеком, которого он должен будет застрелить.

Впервые Бонд почувствовал что-то неладное, когда днем около двух тридцати прошел через двойные обитые кожей двери в кабинет М. За большим письменным столом боком к нему сидел «в позе Черчиля», с утопленной в отложном воротничке шеей в мрачной задумчивости шеф. Бонда он даже не поприветствовал. В уголках губ М. просматривалась горькая складка. Он крутнулся на вращающемся стуле в сторону севшего напротив него подчиненного, оценивающе посмотрел на него, как если бы, подумалось Бонду, проверял его прическу и наличие галстука, и быстро заговорил. Заговорил отрывистыми фразами, словно отмежевываясь от сказанного и желая побыстрее освободиться от Бонда.

— Номер 272. Прекрасный человек. Ваши пути с ним не пересекались. Объяснение простое — со времен войны он безвылазно находился на Новой Земле. Теперь предпринимает попытку прорваться на Запад с интереснейшими сведениями.

Атомные и ракетные секреты. Планы целой серии новых испытаний в 1961 году, чтобы оказать давление на Запад. И что-то по Берлину. Точно не знаю, но, по мнению Форин— оффис, сведения просто ужасные. Если все это правда, решения Женевской конференции становятся бессмысленными, а предложения Восточного блока о ядерном разоружении — сущим вздором. Ему удалось добраться до Восточного Берлина. Но на хвосте у него сидит КГБ и восточногерманская служба безопасности в придачу. Он отсиживается где-то в Восточном Берлине и передал нам сообщение о том, что намеревается перейти к нам между шестью и семью часами вечера в один из дней — завтра, послезавтра или на третий день. Указал и место предполагаемого перехода. Но вся беда в том, — с горечью продолжал М., — что курьер, которому он доверился, оказался двойным агентом. Наш пост в Западном Берлине вывел его на чистую воду только вчера. Совершенно случайно — благодаря расшифровке одного кода КГБ. Курьера, конечно, отдадим под суд, ну а что дальше? КГБ известно, что номер 272 намеревается перейти в нашу зону. Они знают когда и где. Они знают ровно столько же, сколько и мы. Расшифрованный нами код был однодневным, но зато нам стало известно все, что в этот день передавалось. И это уже само по себе неплохо. Они планируют пристрелить его в момент перехода в нашу зону в том самом месте на границе между Восточным и Западным Берлином, о котором он нам сообщил. Для этого они разработали операцию под кодовым названием «Экстаз». В операции будет задействован их лучший снайпер. Нам известна лишь его кличка — «Триггер». Наш пост в Западном Берлине полагает, что это тот самый человек, которого уже использовали для ведения снайперской стрельбы на большие дистанции через границу. Он каждый вечер будет следить за местом перехода с целью ликвидировать номер 272. Они, конечно, предпочли бы расстрелять его из пулеметов, но в Берлине сейчас спокойная обстановка, и они не хотят поднимать лишнего шума. Как бы то ни было, — передернул плечами М., — они уверены в том, что «Триггер» справится с поставленной задачей.

— А где мое место во всем этом, сэр? — спросил Джеймс Бонд, хотя и так уже догадывался об ответе, понимая, почему М. выказывал неудовольствие. Работа предстояла грязная, и для ее выполнения был выбран Бонд, так как он являлся сотрудником Секции 00. В глубине души Бонд стремился вынудить М. четко поставить задачу. Да, неприятную, мало того, противную, но он не хотел, чтобы ее поставил кто-то другой — будь то офицер Секции или даже начальник штаба. Ведь речь идет об убийстве. Так пусть же, черт побери, сам М. заявит об этом.

— Где ваше место, 007? — взгляд М. был холоден. — Вы сами знаете, где. Вам придется уничтожить снайпера. Вы убьете его, чтобы он не убил номера 272. Вот и все. Задача понятна? — Ясные голубые глаза шефа оставались холодны как лед. Бонд понимал, что шефу удастся это лишь огромным усилием воли — он не любил посылать своих людей на убийство — однако, когда все-таки приходилось делать это, надевал на себя холодную беспристрастную маску начальника. Бонд догадывался и о причине — желании снять с души исполнителя приказа об убийстве чувство вины. Поэтому Бонд решил облегчить положение М. и поднялся:

— Сэр, все будет нормально. Я полагаю, детали можно уточнить у начальника штаба. Кроме того, мне необходимо потренироваться — промаха быть не должно. — Он направился к двери кабинета.

М. спокойно сказал:

— Прошу меня простить, что вынужден поручить это неприятное дело именно вам. Но сделать его надо хорошо.

— Я приложу все силы, сэр, — Джеймс Бонд вышел и закрыл за собой дверь. Предстоящая работа ему не нравилась, но он предпочитал выполнить ее сам, чем взять на себя ответственность отдать соответствующий приказ подчиненному.

Начальник штаба проявил чуть больше любезности:

— Жаль, что вам придется потрудиться таким образом, Джеймс. Видите ли, Тэнкерей определенно заявил, что у него на посту никого подходящего нет, а рядовому солдату такого рода приказы не отдаются. В Британской Рейнской армии достаточно прекрасных стрелков, однако для живой мишени требуются совсем другие нервы. Я связался со стрельбищем в Бизли и договорился, что после его закрытия вы проведете там тренировочную стрельбу. В восемь пятнадцать видимость будет примерно такой же, как и в Берлине часом раньше. Наш оружейник изготовил высокоточную винтовку и направляет ее туда с одним из своих людей. Вы до стрельбища доберетесь сами. На двенадцать ночи вам заказан билет на чартерный рейс Британской европейской авиакомпания в Берлин. Там на такси приедете вот по этому адресу, — он протянул Бонду лист бумаги. — На пятом этаже вас встретит номер второй Тэнкерей. Ну а потом, боюсь, вам придется проторчать там целых три дня.

— Так, а как насчет винтовки? Что, мне придется проносить ее через немецкую таможню в сумке для гольфа или еще а чем-либо?

Начальник штаба на шутки настроен не был:

— Она будет переправлена с дипломатической почтой, и завтра днем доставлена вам, — он потянулся к командному пульту. — Дело за вами. Я сейчас сообщу Тэнкерю, что все вопросы улажены.

Джеймс Бонд взглянул на тусклый циферблат часов на приборной доске. Десять пятнадцать. Если повезет, завтра к этому времени все будет кончено. В конце концов, на карту поставлена жизнь номера 272 против жизни этого снайпера. В точном смысле, это было не совсем убийство. Он почему-то просигналил безобидному водителю семейной малолитражки, без всякой необходимости резко вывернул руль для обгона, и понесся на своем «Бентли» еще быстрее к уже просматривающимся отблескам огней лондонского аэропорта.

Уродливое семиэтажное здание на углу Кохштрассе и Вильгельмштрассе сказалось единственным на захламленном пустыре. Бонд расплатился с таксистом и окинул взглядом окрестности. Трава на пустыре вымахала по пояс, полуразрушенный каменный забор тянулся до безлюдного перекрестка улиц, освещаемого желтоватым светом лампочек, свешивающихся гирляндой с одиноко стоящего фонаря. Бонд нажал на кнопку звонка пятого этажа и тотчас услышал щелчок открывающегося замка. Дверь закрылась за ним автоматически. Шагая по непокрытому цементному полу к старомодному скрипящему лифту и вдыхая затхлые запахи жареной капусты, дыма дешевых сигар и пота, Бонд вспоминал другие такие же многоквартирные дома в Германии и Центральной Европе, в которых ему приходилось бывать бесчисленное количество раз. И повсюду, куда его, как ракету запускал М., ему приходилось решать сложнейшие проблемы. Но в этот раз его ждали и не нужно было опасаться внезапного нападения сверху.

Номер два поста секретной службы в Западном Берлине оказался сухощавым мужчиной около сорока лет, одетым в хорошо сшитый, но поношенный темно-зеленый костюм в «елочку» и белую шелковую рубашку со старым школьным галстуком.

Судя по этому галстуку, мужчина был выпускником Уинчестерского колледжа. Пока они обменивались условными приветствиями-паролем в покрытой плесенью прихожей квартиры, настроение Бонда ухудшилось еще больше. Он без труда представил себе служебную карьеру встречавшего: колледж, где его наверняка недолюбливали..., отличник учебы в Оксфордском университете..., безукоризненная служба в каком— либо штабе во время войны, возможно, даже орденоносец..., Союзная контрольная комиссия в Германии, откуда прямой путь в первый отдел...

Будучи идеальным штабным работником, абсолютно благонадежным с точки зрения службы безопасности, и надеясь на прекрасную романтическую жизнь — вот тут он ошибся — ему удалось пролезть в секретную службу.

В напарники Бонду в таком неблагодарном деле требовалось подобрать трезвомыслящего и предупредительного человека, и выбор, естественно, пал на капитана Поля Сэндера, бывшего уэльского гвардейца. Теперь, как и подобает выпускнику Уинчестерского колледжа, он глубоко скрывал в разговоре с Бондом свое неприятие порученного дела за банальными, но тщательно выбираемыми выражениями.

Капитан Сэндер показал Бонду квартиру и рассказал о проведенных подготовительных мероприятиях к операции. Квартира состояла из большой спальни, ванной и кухни, заполненной продуктами в консервных банках, молоком, маслом, яйцами и хлебом. Там же сиротливо стояла всего одна бутылка шотландского виски «Димпл Хейг». В спальне одна из кроватей была придвинута к шторам, закрывающим единственное широкое окно. На кровати под покрывалом лежало три матраса.

Капитан Сэндер предложил:

— Не желаете ли взглянуть на место предстоящего поля боя? Затем я смогу объяснить вам намерения противника.

Бонд очень устал. Ему не очень-то хотелось засыпать со стоящей перед глазами картиной боя, но он ответил:

— Конечно, это было бы замечательно.

Капитан Сэндер выключил лампочку и по краям шторы в квартиру проникло уличное освещение.

— Я не хочу полностью задерживать штору, — объяснил он. — Маловероятно, но они могут вести наблюдение за местностью. Ложитесь на кровать и просуньте голову под штору, а я вкратце опишу все находящееся перед вашими глазами.

Нижняя рама в окне была поднята. Матрасы под весом Бонда почти не прогнулись, и он, как и на стрельбище в Бизли, занял положение для стрельбы, только теперь перед ним лежал поросший сорняками пустырь, раскинувшийся до освещенной огнями Циммерштрассе — границы с Восточным Берлином. До нее было около ста пятидесяти ярдов. Пояснения капитана Сэндера, доносившиеся из-за шторы, в чем-то походили на спиритический сеанс.

— Перед вами находится пустырь с множеством удобных укрытий. До границы от него — сто тридцать ярдов. Граница — это улица, а за ней, уже на стороне противника, опять пустырь, захлампленный еще больше. Вот почему номер 272 выбрал место перехода именно здесь. В городе таких мест — с густой травой, разрушенными заборами и подвалами по обе стороны границы осталось совсем немного. Прикрываясь завалами, номер 272 приблизится к границе, затем сделает резкий бросок через Циммерштрассе и укроется в развалинах на нашей стороне. Самое опасное место — те самые ярко освещенные тридцать ярдов на границе, которые он будет преодолевать быстрым бегом. Здесь его и попытаются пристрелить. Верно?

Бонд тихо произнес слово «да». Близость врага и необходимость принимать меры предосторожности уже начали щекотать ему нервы.

— Большое новое одиннадцатизэтажное здание слева от вас — «Министерский дом», главный мозговой центр Восточного Берлина. Вы видите, что во многих окнах еще горит свет. Там, где его не выключают и на ночь, работают круглосуточно. Видимо, на освещенные окна вам не стоит обращать внимания. «Триггер» почти наверняка будет стрелять из темной комнаты. Посмотрите на четыре затемненных окна на углу здания, прямо над перекрестком. Свет в них не горел и вчера ночью, и сегодня вечером. Оттуда вести наблюдение и огонь удобнее всего. Расстояние до

окон отсюда составляет от трехсот до трехсот десяти ярдов. Все необходимые расчеты я подготовил, вы можете ознакомиться с ними. Больше вам тревожиться не о чем. Улица весь вечер остается безлюдной, только каждые полчаса по ней проезжает патрульная бронированная машина в сопровождении двух мотоциклистов. Вчера вечером между шестью и семью часами, то есть в то время, на которое назначена операция, в здание через боковую дверь входили и выходили какие-то люди — что-то вроде гражданских служащих. До этого — ничего примечательного, обычная суeta в правительственном учреждении, за исключением, правда, женского оркестра, который выступал в каком-то концертном зале той части здания, где размещается Министерство культуры. Ни одного из известных нам сотрудников КГБ и каких-либо приготовлений к операции не зафиксировано. Да и вряд ли это будет возможно, противник готовится тщательно. В любом случае, понаблюдайте хорошенько. И не забывайте, что сейчас темнее, чем будет завтра в шесть часов...

Выпускник Уинчестерского колледжа давно уже раздражающе похрапывал, а воображение Бонда все еще рисовало разные сценарии предстоящей операции. Вот он замечает на другой стороне в тени руин на фоне освещенной улицы движение, затем видит бегущего зигзагами человека и слышит треск выстрелов, в результате которых посреди широкой улицы расплывается корчащееся тело. И другой вариант — мужчина проскакивает в западный сектор и с шумом пробирается сквозь траву и завалы пустыря. Финал поистине гамлетовский — или внезапная смерть, или возвращение домой! Сколько времени потребуется Бонду, чтобы обнаружить русского снайпера в одном из этих темных окон и убить его? Пять секунд? Десять?

Когда на улице забрезжил рассвет и Бонду привиделись на шторе оружейные стволы, воспаленное воображение доконало его. Он на цыпочках пробрался в ванную комнату и исследовал находившиеся там медицинские препараты, которые предусмотрительная секретная служба доставила для него в квартиру. Выбрав туинал, он проглотил и запил водой две таблетки, после чего провалился в глубокий сон.

Когда в полдень Бонд проснулся, квартира была пуста. Он отдернул штору и, отойдя подальше от окна, стал всматриваться в серые громады берлинских домов под шум проходящих вдали трамваев и визг тормозов на повороте автострады у зоопарка. С явной неохотой Бонд окинул взглядом близлежащую местность, которую он изучал вчера вечером, и убедился, что сорняки на берлинских пустырях растут те же самые, что и на лондонских — папоротник, конский щавель да полынь.

На кухне рядом с буханкой хлеба лежала записка: «Мой друг» (на языке спецслужбы это означает «начальник») разрешает вам выйти на улицу. Вернитесь к 17 часам. Ваше имущество (то есть винтовка) прибыло и будет доставлено сегодня после обеда. П. Сэндер."

Бонд включил газовую горелку и по укоренившейся привычке сжег бумажку. Позавтракав яичницей с беконом и тостом с маслом, он влил в стакан с черным кофе изрядную дозу виски и проглотил содержимое. Затем принял ванну, побрился, облачился в серую невыразительную европейскую одежду, купленную специально для этого случая, спустился на лифте и вышел на улицу.

Джеймс Бонд всегда считал Берлин угрюмым и недружелюбным городом, лишь немного украшенным в западном секторе разнообразной мишурой и внешним лоском. Он прогулялся по улице Курфюрстен, заказал в кафе «Маркардт» кофе и мрачно уставился на законопослушных пешеходов, терпеливо ожидавших у перехода зеленый свет светофора, в то время как мимо проносился сверкающий поток автомобилей. На улице было холодно, порывистый восточный ветер трепал юбки на женщинах и плащи на спешащих мужчинах с неизменными папками в руках. Обогреватели в кафе отбрасывали красный свет на лица посетителей, медленно

пьющих свои традиционные «чашечки» кофе, разбавленные десятью стаканами воды, читающих газеты и журналы и просматривающих деловые бумаги. Бонд, отрешившись от мыслей о предстоящем вечере, думал, как лучше провести время и какой вариант выбрать — то ли посетить известный всем таксистам и консьержкам респектабельно выглядящий дом на Клаузевицштрассе, то ли погулять по Грюнвальду. Добродетель восторжествовала, и Бонд, расплатившись за кофе, вышел на холодную улицу, чтобы взять такси.

Молодые деревья вокруг продолговатого озера уже были тронуты дыханием осени, и среди зелени крон появились золотые листья. За два часа вдоволь нагулявшись по покрытым опавшими листьями тропинкам, Бонд зашел в ресторан со стеклянной верандой с видом на озеро и с удовольствием съел двойную порцию местного блюда «Матжешеринг», приправленного кружочками лука и сметаной, а также попробовал шнапса, смешанного с пивом. В город он вернулся уже приободренным.

Около дома возился с мотором черного «Оппель-капитана» неопределенного вида молодой человек. Когда Бонд прошел совсем рядом с ним к двери и нажал звонок, тот даже головы из-под капота не поднял.

Капитан Сэндер успокоил Бонда, сказав, что это «друг» — капрал из транспортной секции поста в Западном Берлине. В «Оппеле» он испортил мотор, и каждый вечер с шести до семи часов будет в готовности по сигналу Сэндера, переданному по «Воки— токи», завести двигатель и выхлопной трубой заглушить звук выстрелов. В противном случае соседи могут известить полицию и возникнет необходимость излишних объяснений с ней. Дом находился в американском секторе, и хотя «друзья» дали разрешение английскому посту в Западном Берлине на проведение операции, они, естественно, были заинтересованы, чтобы все прошло гладко.

Бонду понравилась уловка с машиной, как понравилась ему и подготовка к операции в квартире. За спинкой кровати у подоконника была сооружена из дерева и металла станина для крепления винтовки, к которой, касаясь стволом шторы, был прислонен винчестер. Все деревянные и металлические части винтовки и снайперского прицела успели выкрасить в черный цвет. На кровати был разложен зловеще выглядывавший черный бархатный капюшон с прорезями для глаз и рта, соединенный с рубашкой из того же материала. При его виде Бонд представил себе старинные гравюры со сценами испанской инквизиции и рисунки, изображающие анонимных палачей времен французской революции рядом с гильотиной. На кровати капитана Сэндера лежал такой же капюшон, а на подоконнике — бинокль ночного видения и микрофон для «Уоки-токи».

Напряженный и взволнованный капитан Сэндер заявил, что никаких известий об изменении обстановки на пост не поступило. Затем спросил, не хочет ли Бонд перекусить, выпить чашечку чая или же принять транквилизатор — в ванной комнате есть несколько видов. Бонд, придав лицу беззаботное выражение, с благодарностью отказался и весело рассказал о проведенном дне, хотя от внутреннего перенапряжения у него начала подергиваться артерия у солнечного сплетения. Когда его пыл иссяк, он устроился на кровати с приобретенным во время прогулки немецким детективом, в то время как капитан Сэндер взволнованно ходил по квартире, слишком часто поглядывая на часы и курил одну за другой сигареты «Кент», причем вставлял их в мундштук вместе с фильтром — он очень заботился о своем здоровье. Выбранная Бондом для чтения книга, на обложке которой была изображена привязанная к кровати полуголая девица, оказалась как раз к случаю. В ее названии «Проклятая, преданная и проданная» две первые буквы как бы давали понять весь ужас того положения, в которое попала героиня романа — графиня Лизелотта Мутзенбахер. Погрузившись в похождения героини, Бонд с раздражением

оторвался от книги, когда капитан Сэндер сообщил, что уже пять тридцать и настало время занять позицию для стрельбы.

Бонд снял пиджак и галстук, засунул в рот две жевательные резинки и натянул на себя капюшон. Капитан Сэндер выключил свет и Бонд, улегшись на кровать и прижавшись глазом к окуляру снайперского прицела, осторожно просунул голову под штору.

Сумерки уже наступили, однако местность (через год здесь будет создан знаменитый «Контрольный пункт Чарли») напоминала пожелтевшую фотографию пустырь, окна на пограничной улице, опять пустырь и слева уродливое квадратное здание «Министерского дома» со светящимися и затемненными окнами. Наведя необходимую резкость на прицеле, Бонд стал медленно осматривать здание. Там все было по—прежнему за исключением того, что через дверь на улице Вильгельмштрассе то и дело взад-вперед сновали служащие.

Особенно долго Бонд вглядывался в четыре затемненные окна — и сегодня затемненные — которые, здесь он был согласен с Сэндером, наверняка были выбраны противником в качестве огневой точки. Шторы на них были наглухо задернуты, а нижние рамы подняты. Что происходило внутри, Бонд через прицел видеть не мог, а по внешним признакам он не обнаружил даже малейшего движения ни за одной из продолговатых оконных ниш. Вот на улице под окнами возобновилось движение. По мостовой к входной двери приближался женский оркестр — двадцать смеющихся и болтающих девушек со своими скрипками и духовыми инструментами в футлярах, партитурами в сумках и даже с барабанами. Веселая, счастливая стайка. Бонду подумалось, что и в советском секторе некоторым людям живется неплохо, и тут его прицел остановился на девушке с виолончелью. Бонд даже прекратил жевать, но затем его челюсти непроизвольно продолжили привычное занятие, когда он стал ослаблять крепление винта, чтобы удержать ее в центре прицела.

Девушка было выше других, и ее длинные прямые прекрасные волосы, спадавшие на плечи, сверкали под светом фонаря, как расплавленное золото. Походка у нее была волнующе-грациозной и шла она, легко придерживая футляр с виолончелью, как если бы та была не тяжелее скрипки. Все у нее летало — и юбка, и ноги, и волосы. Казалось, она была наполнена движением и жизнью, весельем и счастьем. А как очаровательно она болтала с окружавшими ее подружками! Когда девушка повернулась при входе в здание, на мгновение показался ее восхитительный бледный профиль. А затем она ушла, и с ее исчезновением сердце Бонда наполнилось грустью. Как странно! Такого с ним не случалось со времен юности. И вот теперь эта девушка, которую он и рассмотреть-то с большого расстояния как следует не успел, как магнитом притянула его к себе, заставив страдать от внезапно возникшего животного желания. С тоской Бонд взглянул на светящийся циферблат своих часов. Пять пятьдесят, осталось всего лишь десять минут, а к подъезду не подошла ни одна машина. Ни одного из этих черных лимузинов, которые он ожидал увидеть. Он попытался, насколько было возможно, отрешиться от мыслей о девушке и приказал самому себе: «Соберись с мыслями, Бонд! Займись работой!»

Из «Министерского дома» полились обычные звуки настраиваемого оркестра, зазвенели струнные инструменты в унисон с простенькой мелодией пианино, раздались резкие звуки труб, а затем подключились и все остальные. Насколько мог судить Бонд, довольно искусно исполнялось произведение, о котором он имел лишь смутное представление.

— Увертюра Мусоргского к «Борису Годунову», — отрывисто бросил капитан Сэндер. — Время к шести часам подходит, — и вдруг взволнованно зашептал: Эй, смотрите! Правое нижнее окно из тех четырех!

Бонд навел прицел на указанное место. Да, так и есть. За черной оконной нишей

происходило какое-то движение. Ага, вот из окна высунулся черный продолговатый предмет — ствол. Кто-то не спеша выискивал цель в районе улицы Циммерштрассе между двумя пустырями. Затем невидимый стрелок, вероятно удовлетворенный, зафиксировал оружие в выбранном положении. Значит, у него там установлена точно такая же станина для винтовки, как и у Бонда.

— Что это за оружие? Какой системы? — в голосе капитана Сэндера почему-то проскальзывала дрожь.

«Да прекрати ты волноваться», — раздраженно подумал Бонд. — "Хотя мне тоже не мешало бы сдерживать эмоции." Он напрягся, внимательно всматриваясь в утолщение пламягасителя на конце ствола, в телескопический прицел и в присоединенный к оружию магазин. «Да, так и есть. Абсолютно точно. Это лучшее из того, что у них имеется на вооружении.»

— "Калашников", — грубовато ответил он. — Стрельба ведется очередями. В магазине тридцать патронов калибра 7,62 миллиметра. В КГБ его предпочитают всем другим системам оружия. Все-таки они решили вести огонь на сплошное поражение. Дистанция для автомата самая удобная. Необходимо будет достать снайпера как можно быстрее, иначе, боюсь, номер 272 превратится в сплошное месиво. Теперь следите за любым движением в развалинах, а я не спущу глаз с автомата в окне. Снайперу придется высунуться, чтобы начать стрельбу. Его помощники имеют задачу обнаружить цель и, возможно, наблюдают из всех четырех окон. Все это мы предвидели, но я никак не ожидал, что они пойдут на применение автоматического оружия. А ведь я должен был это предусмотреть. При таком освещении бегущего человека трудно поразить одним выстрелом.

Кончиками пальцев Бонд проделал необходимые манипуляции с винтами прицела для точной наводки винтовки по горизонтали и вертикали, совместив перекрестие прицела с точкой, находящейся сразу же за прикладом автомата невидимого снайпера. Нужно поразить его хотя бы в грудь — на «заботу» о голове могло не хватить времени.

Лицо Бонда под капюшоном начало потеть, края прорези для глаз увлажнились и начали скользить по окуляру прицела. Но это ничего. Главное, должны оставаться сухими руки и палец, лежащий на спусковом крючке. Текли минуты. Бонд часто мигал глазами, чтобы дать им отдых, расслаблял одеревеневшие мышцы, но музыка успокаивала нервы.

Да, минуты текли, но ноги-то затекали!.. Интересно, сколько ей лет? Больше двадцати? Может, двадцать три? С такой осанкой и невозмутимостью, с ее решительностью и легкостью в походке, а это могло служить намеком на ее верховенство в оркестре, она, должно быть, принадлежит к старинному прусскому роду, а может, польскому или даже русскому. И какого черта она выбрала для себя виолончель? Для Бонда было кошунственным представить этот луковицеобразный инструмент между ее раздвинутых бедер. Конечно, его старой знакомой Саггии удавалось выглядеть элегантно, да и той девчонке Амарилии тоже, ко все-таки должны же что-то придумать и дать возможность женщинам сидеть в другом положении при игре на таких инструментах, ведь смогли разработать для них специальное седло для катания на лошади.

Размышления Бонда прервал голос капитана Сэндера:

— Семь часов. На другой стороне никакого шевеления. Кое-какое движение с нашей стороны, около подвала рядом с границей. Это наша группа по приему беглеца — два крепких парня с поста. Но вам лучше оставаться на месте, пока они не уберут оружие. Сообщите мне об этом.

— Договорились.

В семь тридцать ствол автомата был аккуратно втянут внутрь темного

помещения. Одна за другой закрылись нижние рамы всех четырех окон. Игра, требующая крепких нервов и холодного сердца, на сегодня была окончена. Но впереди еще два таких же вечера!

Бонд неспешно снял со своих плеч штору и расправил ее перед дулом винтовки. Он поднялся, стащил балахон и направился в ванную комнату, где сбросил с себя всю одежду и принял душ. Затем проглотил две большие порции виски подряд и стал прислушиваться к уже приглушенной игре оркестра, гадая, когда она закончится. Оркестр завершил игру в восемь часов вечера исполнением хорального танца номер 17 из «Князя Игоря» Бородина, о чем поспешил известить всезнающий эксперт Сэндер. Для этого он даже оторвался от написания условными фразами доклада начальнику поста.

— Пойду-ка посмотрю еще разок. Очень уж мне понравилась высокая блондинка с виолончелью, — сказал Бонд Сэндеру.

— А я ее и не заметил, — без всякого интереса отозвался Сэндер и отправился на кухню. «За чаем», — подумал Бонд, — "или за молочным напитком «Хорликс». Он снова напялил капюшон, занял свою огневую позицию и навел прицел на «Министерский дом». Да, вот они проходят мимо, правда, уже не такие веселые и радостные. Наверно, устали. Среди них и она, менее подвижная, но с прежней независимой походкой. Бонд смотрел на развевающиеся золотистые волосы и коричневый плащ, пока они не растворились в вечерних сумерках улицы Вильгельмштрассе. Интересно, где она живет? В какой-нибудь комнатке с облупившимися стенами в пригороде? Или в одной из привилегированных квартир на аллее Сталина?

Бонд прекратил наблюдение. Эта девушка жила где-то поблизости. Она замужем? Может, имеет любовника? Ну и ладно, черт с ней. Она не для него.

Следующие день и вечер были копией с небольшими вариациями предыдущих суток. Джеймс Бонд еще два раза через снайперский прицел имел короткие встречи со своей пассией, а все остальное казалось ничем иным, как пустым времяпрепровождением. Напряженность все нарастала и к третьему дню уже явно царила в небольшой квартирке.

Джеймс Бонд заполнял третий день поистине фанатической программой посещения музеев, художественных галерей, зоопарка к даже умудрился посмотреть фильм. Но при этом он ни во что не пытался вникать, его мысли крутились вокруг девушки, четырех затемненных окон, черного ствола и снайпера — человека, которого сегодня вечером он непременно убьет. Вернувшись ровно в пять часов вечера в квартиру. Бонд едва избежал скандала с капитаном Сэндером, ибо перед тем, как натянуть на себя провонявший потом капюшон, принял изрядную дозу виски. Капитан Сэндер попытался воспрепятствовать выпивке и, когда ему это не удалось, пригрозил сообщить начальнику поста о неудовлетворительной подготовке Бонда к проведению операции.

— Послушайте, мой друг, — устало отмахнулся от него Бонд, — мне сегодня предстоит совершить убийство. Не вам, а мне. Так что не морочьте мне голову. Когда дело будет сделано, вы можете доложить Тэнкерею все, что угодно. Вы что, думаете, мне нравится такая работа? Иметь номер ноль-ноль? Да я буду счастлив, если вы посодействуете моему увольнению из Секции 00. Тогда я смогу устроиться в уютном, свитом из документов гнездышке, как простой штабной работник. Понятно? — Бонд допил виски, взял свой детектив — дело там уже приближалось к развязке — и завалился на кровать. Храня ледяное молчание, капитан Сэндер вышел на кухню выпить, судя по доносившимся оттуда звукам, очередную «чашечку» чая.

Бонд почувствовал, как тепло от выпитого виски разливается по всему телу. Итак, Лизелотта, как, черт возьми, ты собираешься выкрутиться из создавшегося положения на этот раз?

Ровно в шесть часов пять минут ведущий наблюдение Сэндер взволнованно заговорил:

— Бонд, там началось какое-то движение. Это он. Вот он остановился. ..., нет, пригибаясь, идет. Там разрушенный забор, противник его не видит. Перед ним пустырь с травой. Боже, вот он вышел на него. Трава колыхнется. Лишь бы они думали, что от ветра... Он приближается к открытой площадке... Они как-нибудь реагируют?

— Нет, — напряженно проговорил Бонд. — Продолжайте сообщать о происходящем. Далеко ему до границы?

— Около пятидесяти ярдов, — голос капитана Сэндера прерывался от волнения. — Там завалы, но есть и открытые участки. А вдоль улицы — длинный забор. Ему придется перелезть через него. Вот! Он прошел десять ярдов... еще десять. Четко вижу его. Лицо и руки закамуфлированы в черный цвет. Будьте наготове! Он может сделать последний рывок в любой момент.

Пот лился по лицу и шее ручьями. Бонд выбрал момент и быстро вытер руки об одежду, затем опять вложил палец в предохранительную скобу спускового крючка:

— Отмечаю движение в комнате за окном. Они обнаружили его! Пусть начинает работать двигатель «Оппеля».

Бонд услышал произнесенную в микрофон условную фразу, работу стартера и сразу же затрещавшую выхлопную трубу автомобиля.

Движение за оконной нишей продолжалось. В окне показалась рука в черной перчатке и легла под цевье автомата.

— Он побежал! — воскликнул капитан Сэндер. — Он взбирается на стену! Он на ней! Прыгает!

Именно в этот момент Бонд увидел в прицеле голову «Триггера» безукоризненный профиль и золотистые волосы, прижимавшиеся к прикладу автомата «Калашникова»! Она же сейчас умрет, дуреха! Пальцы Бонда судорожно вцепились в винты прицела и успели сместить перекрестие с груди снайпера. В то самое мгновение, когда из дула автомата вырвалось желтое пламя, он нажал на спусковой крючок. Смертельный полет пули на расстояние в триста десять ярдов завершился ударом в цевье автомата и лежащую под ним левую руку снайпера. Автомат вылетел из крепившей его станины, ударился об оконную раму и, несколько раз перевернувшись в воздухе, свалился на середину улицы.

— Он успел! — закричал капитан Сэндер. — Боже праведный, он успел! Ему удалось проскочить!

— Ложись! — резко приказал Бонд и сам скатился с кровати на пол, когда в одном из затемненных окон вспыхнул луч прожектора и принялся шарить по фасаду дома, неумолимо приближаясь к занимаемой ими квартире. На окно обрушился град пуль, которые, изрешетив штору, впивались в деревянную мебель и с глухим стуком шмякались о стены спальни.

За свистом и визжанием пуль Бонд сумел различить шум мотора отъезжающего «Оппеля», сопровождаемого фрагментарными всхлипываниями оркестра. Ну конечно же! Оркестр должен был своей игрой обеспечить в кабинетах и коридорах «Министерского дома» точно такое же прикрытие для «Триггера», как и «Оппель» для Бонда. Интересно, она все время проносила автомат в здание в футляре для виолончели? Весь оркестр состоял из сотрудниц КГБ? В других футлярах тоже находилось оружие? Вместо большого барабана они таскали с собой прожектор? А настоящие музыкальные инструменты оставались в концертном зале? Не слишком ли фантастичные и заумные предположения? Возможно.

Но в отношении девушки никаких сомнений не было. Бонд успел разглядеть даже ее прицеливающийся глаз с ресницами. Попал ли он в нее? В левую руку, это уж точно. Теперь никаких шансов увидеть ее хотя бы еще раз, узнать, что с ней. Выйдет

ли она вместе с оркестром? Выглянуть сейчас в окно — все равно, что подписать себе смертный приговор. И как бы в подтверждение этого ударила шальная пуля в винчестер, и так уже изрядно покоруженный. На руку Бонда, обжигая кожу, срикошетил кусочек горячего свинца. Одновременно с очень выразительным проклятием Бонда огонь прекратился и в комнате воцарилась тишина.

Страхнув с головы осколки стекла, выполз из-под кровати капитан Сэндер. Хрустя побитыми стеклами, они с Бондом пробрались через разбитую пулями кухонную дверь в более безопасное место. Кухня выходила на другую сторону улицы. Здесь можно было и свет включить.

— Вы не ранены? — спросил Бонд.

— Нет. А вы? — блеклые глаза капитана Сэндера, как это бывает в бою, лихорадочно блестели. В них также, заметил Бонд, проскальзывало резкое обвинение в его адрес.

— Да. Кусочек свинца от пули брызнул мне на руку. Пойду возьму пластырь. — Бонд зашел в ванную комнату. Когда он вернулся, капитан Сэндер сидел у принесенной из другой комнаты радиостанции «Воки-токи» и говорил в микрофон. Джеймс расслышал только последние слова: «Заканчиваю. С номером 272 все в порядке. Направьте к нам бронированный автомобиль. Будем рады побыстрее выбраться отсюда. 007 должен будет представить свою версию о случившемся. Договорились. Связь кончаю».

Капитан Сэндер повернулся к Бонду. Полусмущенно и полуобвиняюще сказал: — Боюсь, начальник поста потребует от вас письменных объяснений, почему вы не попали в того парня. Я вынужден был сообщить ему, что в последнюю секунду вы изменили точку прицеливания, дав «Триггеру» возможность произвести выстрел. Номера 272 спасло лишь то, что он в тот момент бросился бежать. На том месте, где он стоял, из стены полетели осколки. Что в самом деле произошло?

Джеймс Бонд мог солгать, придумать с десяток отговорок. Вместо этого он сделал большой глоток виски, поставил стакан и взглянул капитану Сэндеру прямо в глаза:

— "Триггер" — женщина.

— Ну и что из того? На КГБ работает много женщин, в том числе и снайперов. Я этому не удивляюсь. Русская женская сборная всегда хорошо выступает на мировых чемпионатах по стрельбе. В прошлый раз в Москве они заняли первое, второе и третье места, и это при участии команд из семнадцати стран! Я даже помню фамилии двух из них — Донская и Ломова. Результаты у них были просто поразительные. И здесь могла быть одна из них. Как она выглядела? Не исключено, ее можно установить по описанию.

— Она блондинка, та девушка из оркестра, с виолончелью. Наверное, в футляре она переносила оружие. А оркестр должен был заглушить звуки выстрелов.

— А... — медленно протянул капитан Сэндер, — понимаю. Это она вам приглянулась?

— Верно.

— Прошу простить меня, но это мне тоже придется включить в доклад. Вам был поставлен четкий приказ уничтожить «Триггера».

Послышался шум подъехавшего автомобиля, после чего дважды прозвенел звонок. Сэндер сказал:

— Пора спускаться вниз. За нами прислали бронированный автомобиль, — он сделал паузу и скользнул взглядом по плечу Бонда, избегая встречаться с его глазами. — Извините за доклад. Я обязан выполнить свой долг, вы понимаете. Вы обязаны были убить снайпера, кем бы он ни оказался.

Бонд поднялся. Внезапно ему расхотелось покидать эту провонявшую и разгромленную квартиру, место, где он в течение трех дней имел односторонний

роман через снайперский прицел с незнакомой девушкой — врагом, который занимался почти тем же делом, что и он. Бедненькая сучка! Впереди у нее такие неприятности, перед которыми блекнут его собственные. Ее наверняка отдадут под суд военного трибунала за провал порученного дела. Возможно, вышвырнут из КГБ. Его передернуло. По крайней мере, они не пойдут на ее убийство, как не пошел он. Джеймс Бонд устал опроизнес: — О'кей. Если посчастливится, это будет стоить мне номера ноль-ноль. Не забудьте передать начальнику поста, чтобы он не беспокоился. Больше эта девушка снайперской стрельбой заниматься не будет. Возможно, у нее отнимут левую руку. А уж ее нервы для такой работы теперь точно не годятся. Я так ее напугал, что у нее искры из глаз посыпались. По моему, этого вполне достаточно. Пойдемте.

Осьминожка (Octopussy)

— Знаешь-ка что? — сказал майор Декстер Смит осьминогу. — Ты сегодня получишь истинное наслаждение, если мне удастся кое-кого поймать. Он сказал это вслух, и от его дыхания стекло маски фирмы «Пирелли» запотело. Поставил ноги на песчаное дно поблизости от коралловой глыбы и выпрямился. Вода доходила до подмышек. Он сдернул маску, плюнул в нее, протер стекло, промыл его начисто и, натянув маску на голову, снова наклонился.

Глаз крапчатого коричневого бурдюка по-прежнему внимательно следил за ним из коралловой норы, однако один кончик его небольшого щупальца с покачивающимися верхними розовыми присосками нерешительно высовывался на дюйм-два из мрака. Декстер Смит удовлетворенно хмыкнул. Было бы время, возможно всего один месяц вдобавок к тем двум, что он приручал Осьминожку, и она была бы укрощена, как миленькая. Но у него не было этого месяца. Может, попытаться сегодня вместо обычного куска сырого мяса, нанизанного на гарпун, самому опуститься вниз и предложить щупальцу руку? Так сказать, поздороваться? «Ну нет, Осьминожка, — подумал он. — Я еще не могу тебе довериться». Почти наверняка другие щупальца тотчас метнутся из норы и захватят руку. Достаточно им утянуть его под воду даже меньше, чем на два фута, как пробковый клапан маски автоматически закроется, и он или задохнется, или же утонет, если успеет сдернуть ее. Он сможет еще нанести резкий удар гарпуном, но, чтобы убить Осьминожку, этого явно не хватит. Нет, не сейчас. Попозже. Получится, как в игре в русскую рулетку, и почти с теми же шансами — пять к одному. Так можно быстро и эксцентрично выпутаться из затруднения. Но не сейчас. Один очень интересный вопрос может остаться не решенным. Ведь он пообещал этому милому профессору Бенгри из института... Декстер Смит расслабленно поплыл к рифу, в то время как его глаза напряженно выискивали на дне зловещие очертания клинообразной рыбы-скорпены или, как назвал бы ее Бенгри, *Scorpaena plumieri*.

Кавалер ордена Британской империи, майор Королевской морской пехоты в отставке Декстер Смит — когда-то храбрый и находчивый офицер, статный мужчина, охотно демонстрировавший сексуальный строй своих зубов, особенно перед женским вспомогательным персоналом из сухопутных войск, ВМС и армейской транспортной службы. Девчата обеспечивали работу коммуникационных линий и секретариата специальной оперативной группы, в которую его включили под конец служебной карьеры. Теперь же ему — пятьдесят четыре, на голове начинает появляться лысина, а когда он только в плавках фирмы «Джантзен» — видно, как провисает его животик. И у него было уже два приступа коронарного тромбоза, причем второй — всего лишь

месяц назад («Второе предупреждение», как шутливо выразился при появлении Декстера Смита на Ямайке доктор Джими Гривз, игрок в покер в «Клубе Принца»). Впрочем, в хорошо подобранной одежде, когда укрыты от посторонних взглядов вздувшиеся вены и спрятан живот, благодаря безукоризненному поясу и подтяжкам, на вечеринках с коктейлем или на обедах, устраиваемых на «Северном побережье» острова, его все еще считали стройным мужчиной. Для друзей и соседей Смита было непонятно, почему несмотря на то, что лечащий врач запретил ему выпивать больше нескольких капель виски и ограничил его десятком сигарет в день, он продолжал дымить, как труба, и каждый вечер добирался до кровати изрядно перебрав.

А правда заключалась в том, что Декстер Смит подошел к той грани, за которой начинает просматриваться стремление умереть. Причин для такого состояния духа хватало, и они не являлись слишком сложными. Он крепко привязался к Ямайке, и тропическая праздность развела его настолько глубоко, что внешне он напоминал вроде бы прочно стоящее дерево, хотя его ядро давно превращено в труху термитами лени, излишней снисходительности к себе, чувства вины за какие-то прошлые грехи и общего отвращения к собственной личности. С тех пор, как два года назад умерла Мэри, он никого не полюбил. Он не был уверен в том, что и ее-то по-настоящему любил, но чувствовал, что каждый час и день ему не хватало ее любви к нему и ее веселого, шумного, ворчливого, а зачастую и раздражающего присутствия. К международным отбросам общества, в котором Смит вращался на «Северном побережье», он не испытывал ничего, кроме ненависти, хотя, бывало, и мартини пил, и закусывал за их счет. Он мог бы подружиться с более солидными людьми, например фермерами, владельцами плантаций на побережье, местными интеллектуалами, политиками, но это означало бы возвращение к тем серьезным ценностям жизни, против которых восставали его душа и ленивое тело. Так что вопрос о сокращении выпивок он перед собой ставить не собирался. Смиуту все решительно надоело, надоело до смерти, и, если бы не один жизненный момент, он давно бы опустошил бутылку веронала, которую легко достал у местного врача. Линия жизни, заставлявшая его карабкаться к краю пропасти, была незамысловатой. Горькие пьяницы весьма отчетливо проявляют свои темпераменты, и к какому типу из классической четверки они относятся — сангвиникам, флегматикам, холерикам или меланхоликам — определить легко.

Пьяница-сангвиник надирается до впадения в истерику и идиотизм; флегматик погружается в трясину мрачного уныния; холерик — ожившая пьяная дерущаяся карикатура из мультфильма, значительную часть времени вынужден проводить в тюрьме за избиение людей и порчу вещей; наконец, меланхолик становится жертвой слезливой сентиментальности и жалости к самому себе. Майор Смит был явно выраженным меланхоликом с бредовой идеей о содружестве с птицами, насекомыми и рыбами, населявшими принадлежащую ему территорию виллы «Маленькие волны» площадью пять акров, включая пляж и коралловый риф (данное им название вилле весьма симптоматично). Особой благосклонностью майора пользовались рыбы. Он называл их «люди», а так как и рыбы, и большинство маленьких птичек постоянно крутились вокруг рифа, через два года он знал их всех, нежно любил и верил, что они отвечают ему взаимностью.

И они узнавали его. Как обитатели зоопарков узнают зрителей, тем более что он ежедневно снабжал их пищей, собирая водоросли и тщательно перемешивая песок и камушки для обитателей дна, разбивая морские яйца и разделявая морских ежей для небольших хищников, принося падаль и требуху для крупных. Вот и теперь, когда он медленно и тяжело проплывал мимо рифа, его «люди» бесстрашно сновали вокруг, натываясь на трезубец, который в их представлении был лишь ложкой — кормилицей, — заглядывали прямо в стекло маски, а самые бесстрашные и драчливые даже пощипывали за ноги. Интуитивно майор Смит узнавал всех этих

прекрасно раскрашенных маленьких «людей» и мысленно приветствовал их. «Доброе утро, прекрасная Грегори», — это темно-голубой драгоценной рыбе с яркими крапинками, которая в точности повторяла картинку в рекламе флакона духов «В ночи». «Прости, не сегодня, дорогая» — это уже трепещущей рыбе-бабочке с фальшивыми черными глазами на хвосте. «Все-таки ты очень толст, мой мальчик», к рыбе-попугаю цвета индиго, вес которого, должно быть, достигал добрых десяти фунтов. Однако сегодня предстояла работа, и глаза высматривали лишь одного из «людей» — его единственного врага на рифе, единственного, которого он убьет сразу же, — рыбу — скорпену.

Рыба-скорпена обитает в большинстве южных морей мира, причем ее вест-индская разновидность достигает в длину лишь около двенадцати дюймов, с весом один фунт. Это, несомненно, самая уродливая морская рыба, как если бы сама природа предупреждала о грозящей опасности при встрече с таким крапчатым серо-коричневым существом с клинообразной щетинистой головой и мясистыми «бровями», нависающими над злыми красными глазами. Окраска и силуэт рыбы обеспечивают ей прекрасный камуфляж на рифе. Хотя сама рыба-скорпена и маленькая, ее набитый зубами рот настолько широк, что может заглотить большинство из обитающих у рифа рыб. Ее сверхоружие размещается в шипах спинных плавников, которые, действуя при контакте как иглы для подкожного впрыскивания, соединены с ядовитыми железами, содержащими достаточное количество дотоксина для убийства человека. При этом достаточно быть лишь слегка оцарапанным в уязвимом месте. Для пловца у рифов рыба-скорпена представляет значительно большую опасность, чем барракуда или акула, потому что, уверенная в своем камуфляже и своем оружии, она сдвигается с места лишь при приближении или даже прикосновении к ней. Но и в этом случае скорпена отплывает только на несколько ярдов. Покачивая широкими странной расцветки грудными плавниками, скорпена обычно устраивается на песке, где напоминает выступ разросшегося коралла, или же прячется среди камней и водорослей, где фактически исчезает из вида.

Майор Смит был полон решимости найти скорпену, пронзить ее гарпуном, принести Осьминожке и понаблюдать, съест она ее или выплюнет, распознает ли ядовитость рыбки. Съест осьминог только тело и оставит плавники? Съест все? А если так, подействует ли на него яд? Вот вопросы, на которые ждет ответа профессор Бенгри в институте. Поэтому, зная, что на вилле «Маленькие волны» ему больше не жить, Смит сегодня ответит на них. Пусть даже ценой гибели миленькой Осьминожки, но он оставит в память о своей нынешней пустой жизни хотя бы небольшой след в каких-нибудь пыльных морских биологических архивах института. И все потому, что за последние два часа и без того постылая жизнь майора Смита повернулась к нему еще более худшей стороной. Настолько худшей, что ему просто посчастливится, если через несколько недель он отделается приговором суда о пожизненном заключении. Эти недели — время, необходимое для обмена телеграммами между Домом правительства на Ямайке и Министерством по делам колоний в метрополии, далее секретной службой, и затем — со Скотланд-Ярдом и государственным прокурором. А вся заваруха началась с появлением на вилле человека по имени Джеймс Бонд, который примчался на такси в десять тридцать утра из Кингстона.

Вообще-то день начался как обычно. Проснувшись, майор Смит проглотил две таблетки панадола, аспирин ему нельзя было принимать из-за сердца, постоял под душем, позавтракал в тени зонтиков миндальных деревьев и целый час кормил остатками еды птичек. Затем принял предписанную врачом дозу антикоагулянта и таблетки от давления, просмотрел местную газету «Дейли Глинер» — просто чтобы убить время до легкого завтрака (вот уже несколько месяцев, как он с обычных

одиннадцати утра перенес его на десять тридцать). И только налил себе первую порцию крепкого бренди с имбирным элем, так называемого пойла пьяницы», как услышал мотор подъезжающего автомобиля.

Луна, содержательница дома, из местных цветных женщин, вышла к нему в сад и объявила на корявом английском:

— Джентльмен хочет видеть вас, майор.

— Как его имя?

— Он не сказал, майор. Он просил передать вам, что приехал из Дома правительства.

Кроме шорт цвета хаки и сандалий, на майоре ничего не было.

— Хорошо, Луна. Проводи его в жилую комнату и скажи, что буду через минуту.

Через задний вход он прошел в спальню, надел рубашку и брюки, пригладил волосы. «Дом правительства! Какого черта? » Но только майор Смит появился в жилой комнате и увидел стоящего у окна и смотрящего на море высокого мужчину в темно-голубом тропическом костюме, сразу же учуял дурные вести. А когда мужчина медленно повернулся и взглянул внимательными и серьезными серо-голубыми глазами, понял, что визит официальный. Не получив ответа на дружелюбную улыбку, убедился — да, официальный визит. По спине пробежала дрожь. «Они» как-то пронюхали.

— Я — Смит. А вы, я полагаю, из Дома правительства? Как поживает сэр Кеннет?

О том, чтобы поздороваться, вопрос как-то не стоял. Мужчина ответил:

— Я с ним не встречался. Я приехал всего пару дней назад и большую часть времени провел в поездках по острову. Меня зовут Бонд, Джеймс Бонд. Я из Министерства обороны.

Майор припомнил древний эвфемизм для секретной службы и почтительно произнес:

— О, старая фирма?

Вопрос был проигнорирован.

— Мы можем здесь где-нибудь побеседовать?

— Вполне. Где вы хотите. Можно здесь или в саду? Хотите выпить? — Майор Смит позвенел льдом в бокале, который все еще держал в руке. — Ром и имбирь — чистая местная отравка. Я предпочитаю чистый имбирь.

Ложь выскочила из алкоголика произвольно.

— Спасибо, не надо. Здесь вполне можно поговорить.

Мужчина небрежно оперся на подоконник, сработанный местным краснодеревщиком. Майор Смит уселся в удобное кресло, развязно перекинул ногу через подлокотник, взял стоящий с другой стороны от кресла бокал, сделал большой глоток и поставил на место, стараясь, чтобы не дрожала рука.

— Итак, — бодро произнес он, глядя мужчине прямо в глаза, — чем могу быть полезен? Что, кто-нибудь на побережье занялся грязной работенкой и вам нужна помощь? Буду рад снова впрячься в работу. Хотя и много времени прошло с тех пор, но кое-что я еще могу сделать, не забыл старые трюки.

— Вы не возражаете, если я закурю?

Мужчина уже вытащил свой портсигар и держал в руке. Ясно, что он был сделан из старых гильз, и майора Смита такая слабость оппонента вполне устраивала.

— Ну, конечно же, дружище, — он попытался было приподняться с зажигалкой наготове.

— Спасибо, не надо. — Джеймс Бонд уже прикурил сигарету.

— Да нет, к местным делам это не относится. Я бы хотел... Вы знаете, меня направили... Не могли бы вы припомнить некоторые подробности о вашей работе в службе в конце войны?

Бонд сделал паузу и внимательно посмотрел на майора Смита:

— В частности, когда вы работали в Бюро специальных операций.

У майора Смита вырвался нервный смешок. Ну конечно же, все это он предвидел, был даже уверен именно в таком исходе. Но когда вопрос прозвучал из уст только что прибывшего мужчины, этот смех все-таки больше напоминал вскрик человека, по которому ударили совершенно неожиданно.

— Боже мой, доброе старое Бюро, — он опять рассмеялся и внезапно почувствовал застарелую боль в горле и груди. Быстро вытащил из кармана брюк пузырек с таблетками и сунул одну под язык. При этом от него не ускользнуло, как напрягся в этот момент посетитель, как сузились его глаза. «Ничего, ничего, мой дорогой, это не яд».

— Вас ацидоз никогда не мучил? Нет? А меня он буквально валит с ног, когда немножко заложу за воротник... Вчера на вечеринке в отеле «Ямайка»... Знаете, все-таки пора прекратить вести себя так, будто тебе по-прежнему двадцать пять лет... Ну, как бы то ни было, давайте вернемся к нашему разговору о Бюро. Думаю, нас немного уже осталось.

Он чувствовал, как боль постепенно отступала:

— Что-нибудь связанное с историей Бюро?

— Не совсем так.

Бонд уставился на кончик своей сигареты.

— Полагаю, вам известно, что я написал большую часть главы об этой организации для труда о войне? Пятнадцать лет, как минуло с тех пор. Вряд ли я сейчас смогу что-либо добавить.

— Как, ничего даже об операции в Тироле, в местечке под названием Обераурах, что в миле восточнее Китцбухеля?

Да, одно из этих названий, которое никак было не выбросить из головы последние пятнадцать лет, опять вызвало у майора смешок.

— Как же, было дельце. Такого вам видеть не приходилось... Все эти крутые ребята из гестапо и их девочки... Пьяные вдрызг. Но вся картотека в полном порядке. Без звука нам передали. Видно, надеялись на хорошее обхождение. Конечно, мы с ними поступили, как подобает, и направили всех в лагерь под Мюнхеном. Больше о них ничего не слышал. Полагаю, многие были повешены за военные преступления... А документы мы передали в штаб в Зальцбурге и направились в долину Миттерсялл на поиск другого тайника.

Майор Смит сделал добрый глоток из бокала и закурил сигарету:

— Вот вроде и все, что я могу сказать.

— Я знаю, в то время вы были вторым лицом в команде. А командиром

— полковник Кинг из армии Паттона, американец.

— Все верно. Прекрасный человек. Интересно, что он отращивал усы, а это не похоже на американцев... Неплохо разбирался в местных винах. В общем, вполне цивилизованная личность.

— В своем отчете об операции он отметил, что передал вам все документы для предварительного изучения, ведь вы были в подразделении экспертом по немецким вопросам. А затем вы вернули их уже с вашими комментариями... — Джеймс Бонд помедлил. — Все до единого?

Майор Смит намек проигнорировал.

— Все правильно. В основном это были списки имен. Настоящий подарок для контрразведки. Ребятам из Зальцбурга он очень понравился. Появилось много новых ниточек. Я думаю, оригиналы и сейчас где-то лежат. На Нюрнбергском процессе их использовали. Да, бог ты мой, — предался он воспоминаниям, — то были самые прекрасные дни в моей жизни, когда мы с командой носились по всей стране. Вино, женщины, песни! Что и говорить...

Здесь майор Смит сказал чистую правду. До 1945 года ему приходилось попадать в весьма опасные переделки. Когда в 1941 году были сформированы отряды коммандос, он попросился добровольцем и был переведен из Королевской морской пехоты в штаб по проведению совместных операций под руководством Маунтбэттена. Благодаря прекрасному немецкому языку (его мать — уроженка Гейдельберга) он получил незавидную работу переводчика в отряде коммандос, проводившем операции за Ла—Маншем. Ему посчастливилось за два года боев не получить ни царапины и стать кавалером военного ордена Британской империи, которым в войну награждали далеко не всех. Когда секретной службой и отделом совместных операций было сформировано Бюро специальных операций, майор Смит получил временную подполковничью должность и приказ возглавить подразделение по поиску хранилищ архивных документов гестапо и абвера. Управление стратегических служб настояло, чтобы эта работа проводилась совместно с американской армией, в результате чего вместо одного было создано шесть подразделений, приступивших после победы к поискам в Германии и Австрии. Каждое подразделение насчитывало двадцать человек и имело на вооружении легкий бронетранспортер, шесть джипов, автомобильную радиостанцию и три грузовика. Контроль за их действиями осуществлялся Объединенным штабом англо-американских экспедиционных войск, от него же поступала разведывательная информация, полученная по каналам армейской разведки, СИС и УСС. Майор Смит являлся человеком номер два в подразделении «А», действовавшем в Тироле — районе с множеством подходящих мест для оборудования тайников и удобных путей в Италию. Не случайно Тироль рассматривался в качестве убежища № 1 теми, за кем охотились ребята из Бюро специальных операций. И, как только что майор Смит рассказал Бонду, их взяли тепленькими, без перестрелки, за исключением двух выстрелов, произведенных майором Смитом. Как бы между прочим Джеймс Бонд спросил:

— Имя Ганса Оберхаузера вам о чем-нибудь говорит?

Майор нахмурился, пытаясь вспомнить:

— Вроде бы нет.

Было восемьдесят градусов в тени по Фаренгейту, а у него по коже мороз прошел.

— Позвольте немного освежить вам память. В тот день, когда вам дали для просмотра документы, в отеле «Тифенбруннер», где вы были расквартированы, вы наводили справки о самом лучшем горном проводнике в Китцбухеле. Вам посоветовали обратиться к Оберхаузеру. На следующий день вы попросили у командира день отпуска и получили его, а рано утром приехали к дому Оберхаузера, арестовали его и увезли на джипе. Теперь припоминаете?

Как часто это же выражение «освежить память» майор Смит повторял сам, когда пытался загнать в ловушку какого-нибудь немецкого лгуна. «Осторожнее. Ты ведь многие годы ожидал этого». Он с сомнением покачал головой:

— Нет, не припоминаю.

— Хромой мужчина с седыми волосами. Немного говорил по-английски, до войны был лыжным инструктором.

Майор Смит открыто взглянул в холодные ясные голубые глаза:

— Простите, ничем не могу помочь вам.

Джеймс Бонд вытащил из внутреннего кармана синюю кожаную записную книжку, полистал ее и нашел, что нужно. Он взглянул на майора:

— В то время вы были вооружены табельным пистолетом марки «Вэбли-Скотт» сорок пятого калибра с серийным номером восемь-девять-шесть-семь-три-шестьдесят два.

— Точно, это был «Вэбли». Чертовски неудобное оружие. Надеюсь, теперь-то

снабжают «Люгерами» или тяжелыми «Береттами»... Однако про номер сказать ничего не могу.

— Номер точный, — заявил Джеймс Бонд. — У меня есть дата выдачи вам пистолета в штабе и дата его возврата. И вы оба раза подписались в книге выдачи и приема оружия.

Майор Смит передернул плечами:

— Тогда, наверно, это мой пистолет. Однако, — он постарался вложить раздражение в голос, — к чему вы клоните, могу я вас спросить?

Джеймс Бонд взглянул на него, не скрывая любопытства, и вежливым, на этот раз добрым тоном, произнес:

— Вы сами прекрасно знаете, к чему я клоню, Смит, — он сделал паузу, подумал немного. — Вот что я вам предлагаю. Я сейчас выйду минут на десять в сад, и у вас будет время подумать. Когда решите, дайте мне знать. — И серьезно добавил. — Если вы расскажете все сами, я сделаю так, чтобы вам было значительно легче.

Бонд направился к двери, ведущей в сад, перед выходом повернулся:

— Боюсь, вопрос заключается в том, чтобы поставить все точки над «и». Видите ли, вчера в Кингстоне я побеседовал с братьями Фу.

Он вышел на лужайку. Майор Смит почувствовал небольшое облегчение. «По крайней мере, теперь борьба намеков, надуманных алиби, оговорок закончилась. Если этот Бонд добрался до братьев Фу, даже до одного из них, можно быть уверенным, что они раскололись. Меньше всего им хотелось бы войти в конфликт с властями, да и в любом случае в слитках осталось лишь около шести дюймов».

Майор Смит резко поднялся на ноги, подошел к набитому бутылками стенному бару и налил еще одну порцию бренди с имбирным элем, почти половина на половину. С другой стороны, он мог бы их прокутить, время пока еще есть. Будущее вряд ли сделает ему много таких подарков. Он вновь уселся в кресло и закурил двадцатую сигарету за этот день. Часы показывали одиннадцать тридцать. Если избавиться от посетителя хотя бы через час, у него останется уйма времени для общения с «людьми» у рифа. Он сидел, пил и продумывал свои действия. От него зависело, длинная получится история или короткая — WKHO долго распространяться о погоде, о растительности в горах, а можно все изложить кратко. Да, его рассказ будет коротким.

Тогда, в большом двуспальном номере отеля «Тифенбруннер», разложив на свободной кровати документы и кожаные папки, он ничего не выискивал специально, просто отбирал образцы и обращал внимание на те материалы, которые были помечены красным шрифтом. Kommandosache — Kohst vertraulich.

Их было немного. В основном они представляли собой конфиденциальные сообщения о немецкой руководящей верхушке, расшифрованные перехваты переговоров союзников, информацию о местонахождении секретных складов. Поскольку сбор таких материалов являлся главной задачей подразделения «А», майор Смит просматривал их с особым интересом. Это были данные о продовольствии, взрывчатке, оружии, шпионские сообщения, файлы на сотрудников гестапо. Замечательный улов! А в нижней части пакета находился единственный опечатанный красным сургучом конверт с пометкой: «Вскрыть только в самых чрезвычайных обстоятельствах». В конверте всего один лист с коротким неподписанным текстом, выполненным красными чернилами. Под заголовком «ВАЛЮТА» написано по-немецки: «Кайзерова гора. Франзисканер Хальт. 100 м восточнее — каменная пирамида. Ящик. 2 слитка. 24 кг». Под текстом — перечень размеров в сантиметрах. Майор Смит развел руки в стороны, как если бы показывал в разговоре с друзьями размер пойманной им рыбы. Судя по размерам, слитки, должно быть, большие — примерно в ширину его плеч, да и в торце два на четыре дюйма. Одна английская восемнадцатикратная золотая монета идет в наши дни по

два-три фунта стерлингов! Да, ему чертовски повезло! Сорок, а то и пятьдесят тысяч фунтов! Не исключено, что даже сто тысяч! Он не переставал подсчитывать и одновременно быстро и хладнокровно, опасаясь, как бы кто не зашел в номер, сжег документ и конверт, растер пепел в порошок и выбросил в туалет. Затем разложил трофейную австрийскую крупномасштабную карту военно— геодезического управления и сразу отыскал на ней отметку с надписью «Франзисканер Хальт». Судя по топографическому знаку, это была нежилая избушка для альпинистов, расположенная на седловине, как раз под самым высоким восточным пиком Кайзеровых гор, которые своими очертаниями вызывали у посетителей Китцбухеля благоговейный страх. А каменная пирамида находится приблизительно здесь — он отметил место на карте ногтем. Боже, до такого богатства всего лишь десять миль езды и не более пяти часов восхождения!

Все в начале происходило именно так, как описал Бонд. В четыре утра майор Смит подъехал к дому Оберхаузера, арестовал его, заявив протестующей и плачущей семье, что отвезет Оберхаузера для допроса в лагерь под Мюнхеном. Если за ним не числится никаких преступлений, в течение недели он вернется домой. Если же семья поднимет шум, то это только ухудшит положение арестованного. Смит отказался назвать свое имя и догадался заранее закамouflировать номер своего джипа. Через сутки подразделение «А» передислоцируется, а к тому времени, когда военные власти доберутся до Китцбухеля, инцидент будет похоронен в болоте неразберихи, всегда сопутствующей приходу войск.

Оберхаузер, оправившись от пережитого страха, оказался вполне приятным мужчиной, а когда Смит со знанием дела поговорил с ним об альпинизме и катании на лыжах — его довоенном хобби — он и совсем успокоился. На это и рассчитывал Смит. Дорога на Куфстейн проходила у основания Кайзеровой горы, и Смит, медленно ведя машину, восхищался вслух красотой горных вершин, которые освещались алеющей утренней зарей. Подъехав к подножию «золотой» горы, как ее успел окрестить Смит, он затормозил, съехал с дороги в густую траву, и, повернувшись к пассажиру, доброжелательно сказал:

— Оберхаузер, как человек, вы мне по душе. У нас общие интересы, а из вашего разговора и моих собственных суждений о вас я пришел к убеждению, что с нацистами вы не сотрудничали. Вот что я предлагаю. Давайте проведем день здесь, совершив восхождение на Кайзерову гору, а потом я отвезу вас назад в Китцбухель и доложу командиру, что в Мюнхене с вами разобрались и претензий не имеют.

Он усмехнулся:

— Ну, как насчет такого варианта?

Мужчина чуть не расплакался от благодарности:

— Но нельзя ли получить какой-нибудь документ, подтверждающий благонадежность?

— Вполне. Для этого будет достаточно моей подписи.

Согласие было достигнуто, джип надежно укрыт от посторонних глаз, и они размеренным шагом двинулись по предгорью, вдыхая запах сосновой смолы.

Для восхождения Смит был одет неплохо — в рубашке защитного цвета, шортах, прекрасных американских десантных ботинках с толстой подошвой. Его единственной лишней ношей был пистолет системы «Вэбли-Скотт», и Оберхаузер, понимая, что он все-таки оставался пленником, тактично не предложил спрятать оружие за каким—нибудь приметным камнем. Сам он был облачен в свой лучший костюм и хорошие ботинки, но это, видимо, его несколько не смущало. Заверив майора Смита, что веревки и крюки им не понадобятся, он сообщил, что прямо над ними расположена небольшая избушка под названием «Франзисканер Хальт», где они смогут передохнуть.

— Неужели? — спросил Смит.

— Да, а чуть пониже ее находится ледничок, очень красивый, однако мы его обогнем, в нем много глубоких трещин.

— Вот как... — в раздумье произнес майор Смит, рассматривая уже поблескивающий от пота затылок Оберхаузера. В конце концов, тот был всего-навсего проклятым фрицем, в любом случае из той же породы. Одним больше, одним меньше — какое это имеет значение? Все будет проще простого. Единственное, что тревожило Смита, это каким образом он спустит к подножию чертов груз. Наконец решил, что понесет слитки за спиной, причем попытается большую часть пути волочить их в подсумке для боеприпасов или придумает еще что-нибудь. Путь вверх был длинным и утомительным, а когда они минули полосу леса, стало припекать солнце. Теперь у них под ногами были сплошные валуны и камни, булыжники с грохотом устремлялись вниз. Склон становился все круче и круче по мере их приближения к самому верхнему утесу, угрожающе нависшему над ними серой громадой на фоне голубого неба. Обнаженные по пояс, оба обливались потом, который по спине и ногам струился в ботинки, но, несмотря на хромоту Оберхаузера, они выдерживали хороший темп. Когда остановились попить и ополоснуться у бурлящего горного ручья, Оберхаузер похвалил майора Смита за выносливость, на что тот, погруженный в свои мысли, резковато и сознательно преувеличивая, заявил, что все английские солдаты такие же выносливые, как он.

Двинулись дальше. Подъем на скалу оказался не очень сложным. Майор так и предполагал, иначе избушку альпинистов не построили бы именно в этом месте. В скале были выбиты углубления для ног, кое-где в трещинах попадались железные костыли. Однако на самых сложных участках он не смог бы самостоятельно выбрать правильный путь и был доволен, что захватил с собой проводника.

Один раз рука Оберхаузера, нащупывая удобное место, расшатала большой кусок скалы и обрушила его вниз. Майор Смит внезапно подумал о шуме.

— Здесь много бывает народу? — спросил он, наблюдая за падающей глыбой.

— Ни единой души почти до самого Куфстейна, — ответил Оберхаузер, указывая в сторону гряды высоких гор. — Пастбища отсутствуют, мало воды. Сюда только альпинисты заходят, а с началом войны... — Он не стал заканчивать фразу.

Когда они огибали отливающий голубизной ледник, майор Смит внимательно изучал ширину и глубину трещин. «Да, они вполне подойдут».

Непосредственно над ними, всего в каких-то ста футах, под защитой утеса стояла потрепанная погодой избушка. Смит измерил на глаз угол склона. «Да, почти отвесная стена. Сейчас или позже? Нет, наверное, позже». Последний участок маршрута не вполне просматривался.

Ровно через пять часов после начала восхождения они добрались до избушки, и Смит, заявив, что хотел бы облегчиться, направился по карнизу скалы в восточном направлении. Он не обращал никакого внимания на раскинувшиеся перед ним на пятьдесят миль вокруг и тающие в дымке прекрасные панорамы Австрии и Баварии. Он тщательно отсчитывал свои шаги и через сто двадцать уткнулся в пирамиду из камней, напоминающую надгробный памятник в честь какого-нибудь погибшего альпиниста. Но Смит знал, что это не так, и горел желанием разбросать камни. Он вытащил пистолет, Загнал в ствол патрон и направился назад.

Здесь, на высоте в десять тысяч футов, уже пробирал холод, и Оберхаузер решил развести в избушке огонь. При виде его Смит спрятал волнение и непринужденно сказал:

— Оберхаузер, выходите наружу, посмотрите, какие бесподобные виды открываются отсюда.

— Конечно, майор, — Оберхаузер вышел вслед за Смитом из избушки, пошарил в набедренном кармане, вытащил небольшой сверток, развернул бумагу и достал сморщенную колбаску. Протягивая ее майору, смущенно улыбнулся:

— Знаете, мы здесь называем ее «солдат». Она из копченого мяса, очень твердая, но вкусная. В фильмах о диком Западе такие тоже едят. Как ее там называют?

— Пеммикан, — ответил майор. Затем — позднее он вспоминал об этом с отвращением к самому себе — предложил: — оставьте ее в домике, будем есть потом. Подойдите ближе. Видно ли отсюда Инсбрук? Расскажите, что там вдали.

Оберхаузер заскочил в избушку и быстро вышел. Пока он объяснял, где что находится, где какая видна церковь или гора, майор буквально висел у него за спиной. Они приблизились к краю скалы, под которой раскинулся ледник, и Смит, вытащив револьвер, с расстояния в два фута выпустил в череп Ганса Оберхаузера две пули. Конечно, без промаха!

Пули сбили проводника с ног и сбросили вниз. Майор Смит вытянул шею и увидел, как тело, ударившись дважды о скалу, распростерлось на леднике. Но попало не в расщелину, а в сугроб слежавшегося снега. «Черт побери!» — воскликнул майор Смит.

Эхо двух выстрелов, отражаясь от гор, постепенно замерло вдали. Смит последний раз взглянул на темное пятно на фоне белого снега и побежал вдоль карниза скалы. Надо сделать главное! Он стал разбрасывать направо и налево с вершины пирамиды тяжелые камни, работая, как будто его подгоняли черти.

Руки уже кровоточили, но он едва это замечал. Бот осталось всего два фута — и по-прежнему ничего! Ничего! Он склонился над последним слоем камней и яростно принялся за них. Наконец-то! Да! Крышка металлического ящика. Еще несколько камней в сторону, и он освобожден

— добротный старый ящик вермахта из-под боеприпасов, с еще нестершимися следами надписей. Майор Смит издал радостный вопль, уселся на камень и перед его глазами поплыли видения из будущей жизни

— Бентли, Монте-Карло, роскошные квартиры, шампанское, икра и не вписывающийся в этот ряд новый набор клюшек для игры в гольф фирмы «Генри Коттон» (он очень любил гольф).

Уставившись на серый ящик, опьяненный мечтами, майор Смит просидел так пятнадцать минут, затем бросил взгляд на часы и вскочил на ноги. Пора уничтожить улики. На обоих торцах ящика висели ручки. Майор знал, что ящик будет тяжелым, его возможный вес он уже сравнивал с пойманным до войны в Шотландии сорокафунтовым лососем, но ящик весил в два раза больше. Все же ему удалось вытащить его из камней и поставить рядом на альпийскую травку. Обмотав носовым платком одну из ручек ящика, Смит кое-как доволоч его до избушки, уселся на каменную ступеньку у входа и, не отводя глаз от ящика, разорвал сильными зубами копченую колбаску Оберхаузера. Ему не давала покоя мысль, каким образом спустить вниз и спрятать в новом укромном месте свое богатство, которое стоит не менее пятидесяти тысяч фунтов стерлингов.

Колбаска оказалась прекрасной пищей для скалолазов — твердой, с жирком, хорошо заправленной чесноком. Ее крошки застряли в зубах, и майор, выковыряв их обломком спички, сплюнул их на землю. Затем заработало его профессиональное мышление, и он аккуратно подобрал валявшиеся среди камней и травы кусочки мяса. С настоящего времени он считался преступником, все равно как если бы ограбил банк и застрелил охранника. Он — полицейский, превратившийся в грабителя. Он должен навсегда крепко запомнить это! Иначе смерть, вместо Монте-Карло — смерть. Теперь придется прилагать бесконечные усилия, чтобы все образовалось как надо. А потом — потом он навсегда будет и богатым, и счастливым.

Устранив все улики его пребывания в избушке, Смит подтащил ящик из-под боеприпасов к краю пропасти и, помолясь, столкнул его, стараясь не попасть на ледник. Медленно перевернувшись в воздухе, серый ящик ударился о первый выступ

скалы, прогромыхал еще около ста футов, с лязгом приземлился где-то на каменистой осыпи и наконец остановился. Майор не увидел, раскрылся ли он, его устроил бы этот вариант. Он уже пытался вскрыть ящик, но безуспешно. Так пусть же за него это сделают горы!

Оглядевшись напоследок вокруг, он начал осторожно спускаться, тщательно проверяя каждый вбитый костыль, испытывая на прочность каждый выступ для рук и ног, перед тем как перенести на них весь вес своего тела. При спуске его жизнь стала значительно дороже, чем при подъеме. Добравшись до ледника, он устало поплелся по тающему снегу к темному пятну на ледяном поле. С отпечатками ног на снегу он ничего поделывать не мог. Потребуется несколько дней, чтобы солнце растопило следы. Подойдя к убитому, он не испытал никаких чувств, так как вдоволь насмотрелся за время войны и на трупы, и на кровь, и на перебитые конечности. Подтащил тело Оберхаузера к ближайшей глубокой трещине и сбросил его туда. Затем походил вокруг и обвалил нависающий над трещиной снег на труп. Удовлетворенный проделанной работой, по уже проторенному пути, ступая ногами точно след в след, вернулся к краю ледника и направился вниз по склону к месту падения ящика.

Так и есть, гора открыла для него крышку ящика. Почти машинально он сорвал сверху упаковочную бумагу и на солнце вдруг заблестели два больших металлических слитка. На каждом из них стояло клеймо монетного двора Рейхсбанка — свастика в круге под орлом и дата — 1943 год. Майор Смит удовлетворенно хмыкнул, положил на место бумагу и приколотил камнем искривившуюся от удара крышку. После этого обмотал вокруг одной из ручек ремешок от кобуры пистолета и потащил неудобный груз вниз.

Было уже около часа дня, солнце нещадно палило, поджаривая его в собственном поту, начинали гореть покрасневшие плечи, грудь и лицо. Ничего, пройдет. Он остановился у ледяного потока, намочил в воде носовой платок, завязал его на голове, от души напился воды и двинулся дальше, проклиная на чем свет стоит бывший по ногам ящик. Однако все неудобства, солнечные ожоги, синяки были ерундой по сравнению с тем, что предстояло преодолеть, когда он спустится в долину и уклона больше не будет. Пока что на его стороне сила притяжения. Но ведь придется, по крайней мере, целую милю нести на себе этот проклятый груз. При мысли о том, во что превратится его обожженная спина от восьмидесятифунтовой ноши, майора Смита передернуло. «Конечно, — подумал он почти с легким сердцем,

— «Il faut souffrir pour etre millionnaire!»

(— Чтобы стать миллионером, нужно пострадать! — франц.)

Добравшись до подножия, он опустился под елью на мягкий мох, расстелил рубашку, переложил на нее из ящика оба бруска и крепко-накрепко завязал таким образом, чтобы рукава свободно спускались с плеч. Потом вырыл неглубокую ямку, положил туда пустой и ненужный теперь ящик и забросал его землей. Прочно связав концы рукавов, Смит стал на колени и просунул в образовавшуюся петлю голову, придерживая руками узел, чтобы не давил на шею. Наклонившись далеко вперед, чтобы не опрокинуться на спину, он поднялся на ноги и, сгибаясь под тяжестью груза в половину собственного веса и изнывая от обжигающего огня в плечах, жадно хватая ртом воздух, медленно побрел по тропинке, петляющей между деревьями.

До сих пор он не представляет, как смог добраться до джипа. Узлы под тяжестью слитков постоянно развязывались и они сваливались ему на икры ног, и каждый раз он садился на землю, зажав голову в ладонях, и опять начинал все сначала. Сконцентрировавшись на счете своих шагов и останавливаясь передохнуть после каждой сотни, он наконец приплелся к джипу и без сил упал рядом с ним. Теперь оставалось закопать в лесу у большой приметной груды камней свой драгоценный клад, как можно лучше привести себя в порядок и вернуться по кружному пути, минуя

дом Оберхаузера, к месту расквартирования. Прodelав все это, он вылакал бутылку дешевого шнапса, перекусил и забылся в беспокойном сне. А на следующий день подразделение «А» Бюро специальных операций выдвинулось на место новой дислокации в долине Миттерсилл для выполнения очередного задания. Спустя шесть месяцев майор Смит возвратился в Лондон, и на этом его война закончилась.

Но не его проблемы. Золото — это тот товар, который трудно перевозить контрабандой, во всяком случае в количестве, доступном майору Смиуту, а ему нужно было переправить оба слитка через Ла-Манш и спрятать в новом тайнике. Поэтому он отложил срок своей демобилизации и, воспользовавшись возможностями; которые ему открывала временная должность штабного офицера и связь с военной разведкой, через короткое время опять оказался в Германии в качестве британского представителя при Объединенном центре допроса военнопленных в Мюнхене.

Здесь в течение шести месяцев он выполнял разнообразные задания и однажды, воспользовавшись увольнением, выкопал золото, загрузил его в потрепанный чемодан и привез к себе в казарму. После этого подал в отставку и вылетел в Англию, увозя в объемистом кейсе оба слитка. Сотни ярдов пешком и при посадке в самолет, и при высадке из него, обращение повсюду с кейсом так, как если бы в нем находились только документы, потребовали от Смита железной воли и двух таблеток бензедрина, зато наконец-то все богатство в целости и сохранности было размещено на первом этаже тетушкиной квартиры в Кенсингтоне. Получив свободу, он мог приступить к выполнению своих планов.

Майор Смит уволился из Королевской морской пехоты, демобилизовался и женился на одной из тех девиц, с кем уже успел переспать во время службы в штабе Бюро, на очаровательной блондинке из вспомогательной службы ВМС, урожденной Мэри Парнелл, девушке из вполне приличной семьи.

Майор Смит добился для себя и супруги пропусков на одно из первых так называемых «банановых» судов, отплывавших из Эйвонмаута в Кингстон на Ямайке. Оба они пришли к единому мнению о том, что Ямайка для них будет чем-то вроде рая — с ярким солнцем, прекрасной едой, дешевой выпивкой, а также надежным убежищем от уныния и различных ограничений лейбористского правительства послевоенной Англии. Перед отплытием майор показал Мэри золотые слитки, с которых он успел сбить зубилом клеймо Рейхсбанка.

— Я поступил мудро, дорогая, — заявил он. — В наше время я не верю в бумажные фунты, так что вложил все свои ценные бумаги в золото. Все это тянет на пятьдесят тысяч фунтов и хватит нам на двадцать пять лет беззаботной жизни, будем только время от времени отпиливать по кусочку и продавать.

Откуда Мэри Парнелл было знать о том, что такой перевод капитала по валютному законодательству невозможен? Она наклонилась и любовно провела руками по мерцающим слиткам золота, затем выпрямилась, обвила шею майора Смита и поцеловала его.

— Ты прекрасный, замечательный человек, — проворковала она со слезами на глазах. — Ужасно умный, и мужественный, и храбрый, а теперь я вижу, что ты к тому же и богатый. Я самая счастливая девушка в мире!

— Конечно, в любом случае мы с тобой богачи. Только обещай мне, что об этом не скажешь ни одной живой душе, а то все воры на Ямайке сбегутся к нам. Обещаешь?

— Клянусь сердцем!

Расположенный на холмах Кингстона «Клуб Принца» и в самом деле был райским местечком. Довольно приятные члены клуба, вышколенные слуги, блюда на любой вкус, дешевая выпивка и все это на фоне восхитительных тропиков, в такие условия им раньше попадать не приходилось. Супружеская пара Смитов быстро завоевала популярность. Благодаря военным заслугам майора им был открыт доступ

в общество «Дома правительства», после чего жизнь превратилась в бесконечную череду приемов и встреч, игру в теннис для Мэри и в гольф (клюшками фирмы «Генри Коттон»!) для майора Смита. По вечерам она играла в бридж, его же ждал покер. Да, для них это был рай, в то время как у них дома на родине люди питались тушенкой, торговались на черном рынке, проклинали правительство и страдали зимой от самой мерзкой погоды за последние тридцать лет.

Все первоначальные расходы Смиты покрывали за счет совместных денежных накоплений за время войны, и майору Смиту понадобился целый год для изучения обстановки, прежде чем он решился вступить в дело с братьями Фу, специалистами по экспорту и импорту. Настоящие богачи братья Фу являлись уважаемыми руководителями процветающей китайской общины на Ямайке. Подозревали, что их некоторые торговые операции были не совсем легальны, вполне в духе китайской традиции. Наведенные Смитом справки подтвердили, что братья заслуживают полного доверия.

К тому времени было подписано Бреттон-Вудское соглашение, фиксирующее и контролирующее мировую цену на золото, и многим уже стало известно, что Танжеру и Макао, двум открытым портам, в силу разных причин удалось избежать сетей Бреттон-Вуда. Там можно было получить, по крайней мере, сто долларов за унцию золота девяносто девятой пробы по сравнению с фиксированной ценой в 35 долларов за унцию в других местах. А тут и братья Фу начали торговать с возрождающимся Гонконгом, который стал портом, и через который осуществлялась контрабанда золота в соседний Макао. Была создана система, по выражению Смита, «то, что надо». С братьями Фу встреча прошла в приятной атмосфере, никаких вопросов не возникало до тех пор, пока не настало время осмотреть слитки; отсутствие клейма вызвало вежливое предложение объяснить происхождение золота.

— Видите ли, майор, — сказал старший и более вьедливый из братьев, восседая за большим столом из красного дерева, — на золотом рынке товар с клеймом монетных дворов всех уважаемых национальных банков принимается без проблем. Такая маркировка гарантирует надежность золотой пробы. Но существуют и другие банки и дилеры, чьи методы определения золотого содержания, — его благожелательная улыбка засияла еще ярче, — возможно, скажем так, не совсем точны.

— Вы хотите напомнить об известном мошенничестве с золотом, когда свинцовый брусок покрывался золотой пленкой? — спросил тревожно майор Смит.

— Ну что вы, нет, майор, — ободряюще возразили оба брата, — об этом не идет и речи. Но, — не исчезали с их лиц улыбки, — если вы не можете припомнить происхождение этих слитков, вы, видимо, не будете протестовать, если мы проведем небольшое исследование. Существует ряд методов определения золотого содержания слитков, и мы с братом знакомы с ними. Если бы вы оставили золото у нас и вернулись после ланча?..

Альтернативы не было. Теперь майору Смиту приходилось безоговорочно довериться братьям. Они могли обосновать любую цифру, и ему просто пришлось бы согласиться с ней. Он зашел в бар и пропустил один-два бокала, попробовал съесть бутерброд, но еда не лезла в горло. Когда Смит вернулся в прохладу офиса братьев Фу, все было по-прежнему

— и улыбки на лицах братьев, и два золотых слитка на том же месте, и его кейс, однако теперь перед старшим братом лежала золотая ручка «Паркер» и лист бумаги.

— Мы провели исследование ваших замечательных слитков, майор...

«Замечательных! Слава богу!» — пронеслось в мыслях майора Смита.

— ...и я уверен, вам будет интересно узнать их возможное происхождение.

— Да, разумеется, — с энтузиазмом в голосе произнес Смит.

— Это немецкие слитки, майор. Возможно, из Рейхсбанка времен войны. Такой вывод мы сделали из того факта, что в золоте содержится десять процентов свинца. При гитлеровском режиме у Рейхсбанка существовал такой дурацкий обычай ухудшать примесями свое золото. Этот факт быстро стал достоянием дилеров и цена на немецкие золотые слитки, например в Швейцарии, где оседали многие из них, была соответственно понижена. Так что результатом немецкой глупости явилось то, что национальный банк Германии потерял репутацию честного партнера, которую он зарабатывал на протяжении веков. — Улыбка на восточном лице оставалась неизменной. — Очень плохой бизнес, майор. Очень глупый.

Майор Смит восхитился всезнанием этих двух дельцов, живущих в стороне от мировых коммерческих каналов, но вместе с тем внутренне насторожился: «Ну и что дальше? »

— Все это очень интересно, господин Фу, но для меня эти новости неприятные. Что, эти слитки не лучшего качества или как вы там именуете такой случай в мире рынка золота?

Старший Фу сделал правой рукой небольшой останавливающий жест:

— Это не важно, майор. Вернее, это не так важно. Мы продадим ваше золото по его реальной цене, скажем, по цене восемьдесят девятой пробы. Покупатель может его переплавить, а может оставить и прежнюю пробу. Это уже нас не касается. Наше дело — продать настоящий товар.

— Но по более низкой цене?

— Верно. Однако, полагаю, у меня имеется и приятная новость для вас. Как вы оцениваете стоимость этих двух слитков?

— По моей прикидке, около пятидесяти тысяч фунтов.

Старший брат фыркнул:

— Я считаю, если мы будем продавать мудро и постепенно, вы получите сто тысяч фунтов, майор, за вычетом наших комиссионных, которые включают в себя стоимость перевозки и прочие непредвиденные расходы.

— И сколько они составят?

— Мы рассчитываем на десять процентов, если это вас устроит.

Майор Смит всегда считал, что дилеры на золотой бирже получают лишь какую-то долю от одного процента. Ладно, какого черта? Он уже успел сделать целых сорок тысяч со времени ланча. Он сказал, что согласен, встал и протянул через стол руку.

С тех пор ежеквартально он заходил в офис братьев Фу с пустым кейсом, перед ним на широком столе лежали пачки новых ямайских фунтов и два золотых слитка, уменьшавшиеся дюйм за дюймом, а также документ, в котором отражались проданное количество золота и полученная за него цена в Макао. Все происходило очень просто, по-дружески, в деловой атмосфере, и майор Смит не задумывался над тем, берут ли с него в какой-либо форме сверх оговоренных десяти процентов. В любом случае, он не особенно заботился об этом. Для него вполне хватало четырех тысяч в год и единственной заботой было опасение, что налоговые инспекторы могут задаться вопросом, на какие средства он живет. Когда он упомянул братьям о такой возможности, ему посоветовали не волноваться, а при следующих визитах на столе вместо обычной тысячи лежало всего лишь девятьсот фунтов. Вопросов по этому поводу ни он, ни ему не задавали. Вычитаемая сумма проводилась по документам в нужном месте.

И так целых пятнадцать счастливых лет, солнечных, насыщенных праздным времяпрепровождением.

Смиты располнели, с майором Смитом случился первый из двух приступов и он получил предписание врача сократить потребление алкоголя и сигарет, проще относиться к жизни и избегать жиров и жареной пищи. Мэри Смит пыталась быть с

ним твердей, но он стал скрывать от нее свои выпивки, изворачиваться, лгать, и она смирилась, прекратив попытки осуществлять контроль за его излишествами. Однако она уже успела стать для него символом няньки и он стал всячески избегать ее. Она бранилась, заявляла, что он больше ее не любит, а когда непрекращающиеся мелкие ссоры по пустякам вывели ее простую натуру из себя, пристрастилась к снотворному. И однажды вечером после его очередного пьяного дебоша демонстративно превысила дозу снотворного — чтобы просто попугать майора, но переборщила — и погибла. Самоубийство удалось замять, но оно отнюдь не прибавило майору Смиту веса в обществе, и он перебрался на северное побережье, которое хотя и находилось всего в 30 милях от столицы, даже для небольшого общества Ямайки представлялось совершенно другим миром. Там он обустроился на вилле «Маленькие волны», перенес второй сердечный приступ, но по-прежнему сводил себя в могилу выпивками. Именно в это время на сцене и появился человек по фамилии Бонд с другим смертным приговором в кармане.

Майор Смит посмотрел на часы — было всего несколько минут после полудня. Он поднялся, еще раз налил бренди с имбирным элем и вышел на лужайку. Джеймс Бонд сидел под миндальным деревом и смотрел на море. Он даже не взглянул, когда Смит уселся на другой алюминиевый садовый стульчик и поставил рядом на траву бокал.

Когда майор Смит закончил свой рассказ, Бонд без всяких эмоций произнес:

— Да, примерно так я все и предполагал.

— Вы желаете, чтобы я все это изложил в письменном виде и подписался?

— Если вы хотите. Но это не для меня — для военного трибунала. Делом займется руководство частей, где вы служили. Юридические аспекты меня не интересуют. Все, о чем вы мне рассказали, я изложу в отчете для моей службы, а она передаст его Королевской морской пехоте. Потом, полагаю, материалы через Скотланд-Ярд попадут к Государственному прокурору.

— Могу я задать один вопрос?

— Разумеется.

— Каким образом все обнаружилось?

— Ледник был небольшим. В этом году весной тело Оберхаузера после таяния снегов обнаружили альпинисты. Сохранились полностью его документы и все, что было при нем. Его опознала семья. Дальше — дело техники. Изъятые из трупа пули сказали об остальном.

— Но вы-то каким образом оказались причастным к этому делу?

— Ответственность за работу Бюро специальных операций была возложена на мою, э... службу. К нам пришли документы, и я просмотрел всю папку. Мои руки в то время были свободны, и я попросил разрешения найти преступника.

— Но почему?

Джеймс Бонд посмотрел майору Смиту прямо в глаза.

— Дело в том, что Оберхаузер был моим другом. Перед войной, когда мне не было еще и двадцати, он учил меня кататься на лыжах. Это был прекрасный человек. Он заменил мне отца, когда я особенно нуждался в этом.

— Да, я понимаю, — майор Смит отвел глаза в сторону. — Я очень сожалею.

Джеймс Бонд поднялся на ноги.

— Ну, что же, пора возвращаться в Кингстон, — он сделал останавливающий жест рукой. — Не беспокойтесь, дорогу к машине я найду один.

Он посмотрел на сидящего перед ним пожилого человека и резко, даже грубовато, чтобы, как показалось Смиту, скрыть некоторое затруднение, произнес:

— Пройдет около недели, прежде чем они пришлют кого-нибудь за вами.

И пошел по лужайке, через дом, и вскоре майор Смит услышал звук стартера и шуршание шин по запущенной дороге от виллы.

Майор Смит продолжал выискивать у рифа свою добычу и пытался понять точный смысл последних слов Бонда. Его губы под маской скривились в невеселой улыбке. Конечно же, все просто. Старый, опробованный прием, когда провинившегося офицера оставляют наедине с револьвером. Если бы Бонд захотел, он позвонил бы в Дом правительства и попросил направить сюда офицера из местного полка для произведения ареста майора Смита. Что ж, он поступил порядочно. А может быть, нет? При самоубийстве все будет выглядеть пристойнее, да вдобавок еще отпадет необходимость большой бумажной волокиты и будут сэкономлены деньги налогоплательщиков. Должен ли он пойти Бонду навстречу и поступить, так сказать, прилично? Соединиться навеки с Мэри, куда бы не направлялись самоубийцы — в рай или в ад? Или же пройти весь этот круг — возмущение, скучные формальности, крупные заголовки в газетах, монотонность существования при отбывании пожизненного заключения, которое неизбежно когда-нибудь закончится. Вместе с третьим приступом. Но есть и третий путь — защищаться. Сослаться на военное время, борьбу с пытавшимся бежать пленным Оберхаузером, звавшим о тайнике с золотом, естественное побуждение скрыться с золотом Смита — бедного офицера из командос, внезапно обнаружившего богатство.

Стоит ли ему отдавать себя в руки правосудия? Непроизвольно майор Смит представил, что вот он находится на скамье подсудимых, офицер с великолепной выправкой, подтянутый, в прекрасно сшитой парадной форме синего цвета с красными петлицами, со всеми наградами на груди — такова традиционная форма одежды в военном трибунале. Нужно будет попросить Луну, чтобы проверила, не завелась ли моль в ящике с одеждой, находившемся в нежилой комнате. А может, там появилась и сырость? Если погода будет хорошей, проветрить все на солнце, почистить щеткой. С помощью корсета он сможет еще втиснуть свою сорокадюймовую талию в тридцатичетырехдюймовые брюки, сшитые двадцать, а то и тридцать лет назад знаменитой фирмой «Гивз». В зале суда, который состоится, вероятно, в Чатеме, будет находиться защищающий его адвокат, столь же стойкий и непоколебимый, как и полковник. Кроме того, есть еще и возможность подать апелляцию в вышестоящий суд. Дело может стать знаменитым. Почему бы и нет?.. Он мог бы продать газетам право на публикацию его воспоминаний, написать книгу...

Майор Смит почувствовал, как в нем поднимается возбуждение. «Осторожно, старина! Осторожно!» Он поставил ноги на грунт и передохнул среди танцующих волн северо—восточного пассата, который нес приятную прохладу на северное побережье до наступления самых жарких месяцев — августа, сентября и октября. Скоро он выпьет пару порций джина, затем небольшой ланч и сиеста, а затем можно все продумать более тщательно. Не забыть еще, что он приглашен на коктейль к Арукделям и на ужин в клубе «Парк Шоу Бич». После игры в бридж — домой и принять снотворное. Ободренный рутинной перспективой дня, Смит отогнал далеко на задворки памяти черную тень Бонда. «Эй, скорпена, где ты? Осьминожка ожидает свой обед!» Майор Смит опустил голову в воду и медленно поплыл между кораллами к окаймленному белой пеной рифу, продолжая отслеживать отдохнувшими глазами добычу.

Вдруг он заметил два направленных на него антеннообразных отростка каракатицы, вернее ее вест-индской родственницы лангусти, высунувшейся из глубокой расщелины под коралловым наростом. Судя по толщине отростков, это крупный экземпляр, фунта на три-четыре. В другое время Смит поставил бы ноги рядом со щелью и взмутил воду, чтобы лангуста высунулась подальше — ведь она очень любопытна. Затем он пронзил бы ее голову трезубцем и отнес бы домой на обед. Но сегодня единственной добычей для него могла быть рыба-скорпена, и он сконцентрировал все силы на поисках косматого прерывистого силуэта. Десятью

минутами позже он обратил внимание на клочок морских водорослей на белом песке, но что-то ему подсказывало, что это не просто водоросли. Осторожно поставив ноги на дно, он увидел, как на клочке вдруг возникли ядовитые шипы — это она, скорпена, причем значительных размеров, примерно три четверти фунта. Смит приготовил гарпун и стал медленно продвигаться вперед. Теперь красные злые глаза рыбы были широко открыты и наблюдали за ним. Он должен будет сделать резкий короткий удар, причем из положения, когда трезубец будет практически в вертикальном положении, в противном случае, он знал из опыта, даже острые как бритва зубцы гарпуна почти наверняка соскользнут с роговой ткани головы чудища. Он приподнял ноги с грунта и очень медленно поплыл вперед, пользуясь свободной рукой как плавником. Время! Он произвел резкий выпад гарпуном вперед и вниз. Но рыба успела отреагировать на едва заметные колебания идущих впереди трезубца токов воды, подняв со дна фонтан песка, взметнулась вверх и словно птица пролетела под самым животом Смита. Майор Смит покрутился в воде, осмотрелся. Так и есть, скорпена сделала именно то, что делает часто — укрылась в водорослях у ближайшего камня, слившись с окраской дна. Смит проплыл еще несколько футов и опять нанес удар, прицелившись получше. На этот раз он не промахнулся, и она извивалась и трепыхалась на конце гарпуна.

От возбуждения и усталости, пусть и небольшой, майор Смит тяжело дышал, чувствуя приближение старой боли в области груди. Нащупав ногами дно, он нанизал рыбу на гарпун до конца и вытащил ее, все еще трепетавшую, из воды. Медленными шагами проделал он весь обратный путь по лагуне, вышел из воды и добрел по песчаному пляжу до деревянной скамейки, установленной под виноградной лозой. Здесь он бросил гарпун с добычей рядом с собой на песок и уселся отдохнуть. Через каких-то пять минут майор Смит почувствовал странное онемение в районе солнечного сплетения. Взглянув вниз, он оцепенел от ужаса и недоумения. На фоне загара на коже выделялось белое пятно размером с мячик для игры в крикет, а в центре пятна — один за другим три пореза, из которых просочились капельки крови. Машинально стерев эту кровь, майор обнаружил маленькие дырочки размером с булавочный укол. Он припомнил, как взметнулась скорпена и громко, с благоговейным страхом, но без упрека прошептал:

— Ты все же достала меня, тварь! Боже мой, ты меня достала!

Неподвижно сидя на скамейке и рассматривая ранку, Смит пытался припомнить, что говорилось о ядовитых уколах скорпены в американском издании книги «Опасные морские животные», которую он позаимствовал в институте, да так и не удосужился вернуть. Он тихонько потрогал, а затем и нажал на белое пятно вокруг уколов. Так и есть, кожа полностью онемела. И под нею уже начала распространяться пульсирующими толчками боль. Скоро эта боль усилится, пройдет по всему телу и станет настолько невыносимой, что он будет со стонами кататься по леску, чтобы избавиться от нее. Его начнет рвать, изо рта пойдет лена, наступит бредовое состояние с конвульсиями, после чего — полная потеря сознания. В его случае все это быстро приведет к сердечной недостаточности и к смерти. Если верить книге, весь цикл завершится примерно через четверть часа. Все, что ему осталось — это пятнадцать минут отвратительной агонии! Конечно, существуют и лекарства — прокаин, антибиотики и антигистамины — если его слабое сердце выдержит их. Но они должны находиться под рукой. Даже если бы дома или у доктора Каузака оказались бы в наличии эти современные препараты, он не смог бы попасть на виллу «Маленькие волны» раньше, чем через час. Первый приступ боли как будто прострелил все тело майора и заставил его сложиться пополам. Затем второй, третий приступы радиальной конвульсией прошли от желудка до конечностей. Во рту появился сухой металлический привкус, в губы словно вонзились иголки. Он вскрикнул и свалился со скамейки. Пошлепывание хвоста рыбы по песку рядом с его

головой напомнило ему о скорпене. Болевые спазмы временно прекратились, но все тело было в огне. Мозг работал четко. Ну конечно! Эксперимент! Он должен, он обязан добраться до Осьминожки и отдать ей добычу! «О, моя милая Осьминожка, будет тебе последнее угощение».

Повторяя эти слова, майор Смит на четвереньках отыскал маску, с трудом натянул на голову, схватил гарпун со все еще бьющейся рыбой и, прижимая свободной рукой живот, сполз по песку в воду.

До кораллового убежища осьминога было пятьдесят ярдов по мелководью, и майор Смит со стонами, не снимая маски, кое-как преодолел это расстояние, большей частью ползком на коленях. Когда глубина воды увеличилась, а до цели оставалось совсем немного, ему пришлось встать на ноги, и он от боли задержался и зашатался из стороны в сторону, как кукла-марионетка на ниточках. Наконец он добрел и огромным усилием воли, стараясь устоять, наклонил голову, чтобы набрать немного воды в маску для прочистки стекла, запотевшего от его стонов. Затем, не обращая внимания на кровь, хлеставшую из нижней губы, он с трудом наклонился посмотреть на обиталище Осьминожки. Да! Ее коричневая масса была на месте и возбужденно шевелилась. Почему? Майор Смит увидел медленно опускающиеся в воде на дно черные сгустки крови. Ну конечно же! Милая Осьминожка распробовала его кровь. От очередного приступа боли голова у Смита пошла кругом. Он как в бреду услышал свое собственное бормотание в маску: «Соберись, Декстер, старина! Дай Осьминожке пообедать!» Он сделал над собой усилие и восстановил равновесие. Взяв гарпун поближе к нижней части древка, он опустил скорпену к уже ходящей ходуном норе.

Возьмет ли Осьминожка наживку? Ядовитую наживку, убивающую сейчас майора Смита, но, может быть, безвредную для осьминога? Эх, если бы Бенгри мог оказаться рядом и понаблюдать! Из норы возникли три сильно извивающихся щупальца и закружились вокруг скорпены. Перед глазами Смита стоял серый туман. Он был близок к потере сознания, но все-таки попытался развеять этот туман и слабо потряс головой. И тогда щупальца обвилились, но не вокруг скорпены! Вокруг руки майора Смита, почти до локтя. Его рот перекосялся в гримасе удовольствия. Наконец-то он и Осьминожка пожали друг другу руки! Как это увлекательно! Поистине восхитительно! Однако затем осьминог спокойно и неумолимо потянул руку вниз и до майора Смита дошел ужас всего происходящего. Он собрался с остатками своих сил, ко вместо удара лишь погрузил гарпун еще ниже, в результате чего скорпена просто вошла в массу осьминога, а рука майора была захвачена еще дальше. Щупальца ползли все выше к плечу и тянули к себе все настойчивее. Майор Смит сбросил маску, но слишком поздно. Над пустынным заливом раздался оглушительный вопль, его голова скрылась под водой, а на ее поверхности забулькали пузырьки воздуха. Затем показались ноги майора Смита и маленькие волны ласково покачивали его тело, в то время как осьминог исследовал полостью рта захваченную правую руку и сделал первую попытку вонзить в один из пальцев свои клювообразные челюсти...

Тело было обнаружено двумя местными ребятами, ловившими спиннингом с каноэ рыбу— иглу. Они пронзили осьминога трезубцем майора Смита, убили его традиционным способом, вывернув наизнанку и откусив голову, а затем привезли все три тела домой. Труп майора Смита был передан полиции, а скорпена и осьминог пошли на ужин.

Корреспондент местной газеты «Дейли Глинер» сообщил, что майор Смит был убит осьминогом, однако газета в своей заметке исказила данный факт и передала его словами «был найден утопленник». Чего не сделаешь для того, чтобы не отпугнуть туристов! И уже позднее в Лондоне Джеймс Бонд, сделав лично для себя вывод о самоубийстве, фиксировал в заключении по делу те же слова — «был

найден утопленник майор Смит». На последнем листе распухшей папки была проставлена дата, что и в газете. И только благодаря запискам доктора Каузака, который производил вскрытие, появилась возможность написать своеобразный постскриптум к нелепой, но трагической кончине бывшего офицера секретной службы.